Ливия Норвейн

Дракон. Не проси меня тебя убить

Ливия Норвейн

Дракон. Не проси меня тебя убить

«Автор»
2026

Норвейн Л.

Дракон. Не проси меня тебя убить / Л. Норвейн — «Автор», 2026

— Если однажды я перестану узнавать людей и начну нападать, подай сигнал. Солдаты знают, что делать.Я смотрела на мужчину, которого должна была спасти, и не могла поверить, что он просит меня принять такое решение.Радан Корс — могущественный дракон и командир пограничного гарнизона. Его сила постепенно уничтожает способность возвращаться человеком. Лечение существует, но навсегда лишит его крыльев и огня.В день, когда он решается отказаться от драконьей природы, враг прорывает границу.Теперь Радан вынужден снова подниматься в небо, чтобы защитить сотни людей. А я, его целительница, после каждого вылета боюсь увидеть, что он больше не способен вернуться.Я обещала не скрывать правду, если он станет опасен.Но не обещала, что не полюблю его.Теперь мне предстоит спасти мужчину, с которым я впервые захотела прожить целую жизнь.— Не проси меня тебя убить, Радан. Помоги мне сделать так, чтобы не пришлось.

© Норвейн Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Человек, который пришел вовремя 5
Глава 2. Обещание 27
Глава 3. Те, кто пойдет последними 54
Конец ознакомительного фрагмента. 62

Ливия Норвейн
Дракон. Не проси меня тебя убить

Глава 1. Человек, который пришел вовремя

— Я хочу, чтобы вы навсегда лишили меня драконьего облика.

Я подняла голову от журнала назначений.

Радан Корс стоял посреди моего кабинета, и первым моим желанием было попросить его повторить сказанное. Не потому, что я плохо расслышала. Просто мне требовалось время, чтобы поверить, что он действительно это сказал.

— Доброе утро, командир, — произнесла я. — Присаживайтесь.

— Вы меня слышали?

— Прекрасно. Но прежде чем обсуждать окончательное лечение, я предпочла бы выяснить, почему вы решили, что оно вам необходимо.

Он посмотрел на стул перед письменным столом. Потом перевел взгляд на дверь.

— Разговор останется между нами?

— Медицинские сведения не становятся достоянием гарнизона без необходимости. Но если ваше состояние представляет опасность для окружающих, я обязана сообщить тем, кто отвечает за безопасность. Это вас устраивает?

— Да.

Он сел.

Я знала Радана Корса около года. Не близко, конечно. Командир пограничного гарнизона не относился к людям, которые находили время на пустые разговоры с целительницами.

Впервые я увидела его прошлой осенью, когда он доставил в госпиталь троих раненых солдат. Одного принес на руках. Сам остался в приемном покое, пока мы не закончили перевязки, а потом спросил, кому требуется дополнительная помощь.

Во второй раз он приехал за докладом о состоянии офицера после тяжелого ранения. В третий привез лекарства, которые удалось получить на военных складах.

Он всегда приходил ради других.

И никогда не задерживался дольше необходимого.

Сегодня на нем не было ни парадного плаща, ни знаков командирского отличия. Простая темная куртка, дорожные сапоги, широкие плечи. Влажные волосы были зачесаны назад, но несколько прядей выбились у виска.

Он выглядел усталым.

Не изможденным или больным в привычном смысле. Скорее человеком, который слишком долго обходился без нормального сна и наконец перестал справляться с последствиями.

— Когда вы в последний раз обращались? — спросила я.

— Позавчера ночью.

— Где?

— Над восточным хребтом. Разведка обнаружила неприятельский отряд.

— Долго оставались в драконьем облике?

— Чуть больше часа.

Я сделала запись.

— Сколько времени потребовалось на возвращение?

Радан помолчал.

— Шесть минут.

Мое перо остановилось.

Для здорового дракона возвращение в человеческое тело занимало несколько мгновений. После серьезной нагрузки процесс мог затянуться, но шесть минут означали нарушение, которое нельзя было объяснить обычной усталостью.

— Вы считали сами?

— Гарт. Он находился рядом.

— Что происходило в это время?

— Я пытался вернуться. Чувствовал, что делаю все правильно, но ничего не получалось. Потом крылья начали уменьшаться. Остальное прошло быстро.

— Вы понимали человеческую речь?

— Да.

— Узнавали Гарта?

— Да.

— Были провалы памяти?

Он отвел взгляд.

— После возвращения. Не помню, как добрался до своей комнаты. Очнулся уже там. Гарт говорит, что я разговаривал с ним по дороге.

Я записала и это.

— Бывали подобные случаи раньше?

— За последние три недели — четыре раза.

— И вы пришли только сейчас?

Он посмотрел на меня внимательно.

— До позавчерашней ночи я возвращался самостоятельно. Медленнее обычного, но без посторонней помощи. Теперь я не уверен, что в следующий раз получится.

Мне не понравилось спокойствие, с которым он это произнес.

Не потому, что спокойствие было неуместным. Напротив. От командира гарнизона я ожидала выдержки.

Но когда человек говорил о возможной утрате собственного сознания так, словно обсуждал поврежденный мост, становилось ясно: он уже успел много раз обдумать худший исход.

— Снимите перчатки, — попросила я.

Радан опустил взгляд на руки.

Кожаные перчатки были добротными, с металлическими застежками у запястий. Он расстегнул левую, снял ее и положил на стол.

С правой возникли затруднения.

Сначала мне показалось, что застежка заела. Радан попробовал поддеть ремешок большим пальцем, потом указательным. Его движения стали медленнее.

— Позвольте.

— Я справлюсь.

— Уверена. Но у нас впереди еще осмотр, и я предпочла бы не тратить на одну застежку четверть часа.

Он посмотрел на меня.

На мгновение мне показалось, что сейчас последует раздраженное замечание о том, как следует разговаривать с командиром.

Вместо этого Радан протянул руку.

— Хорошо.

Я расстегнула ремешок.

Кожа перчатки плотно прилегала к запястью. Пришлось осторожно стянуть ее, придерживая ладонь.

Когда кисть освободилась от перчатки, я увидела причину.

На тыльной стороне руки, от костяшек к запястью, тянулись несколько рядов темно-серой чешуи.

Она была мелкой, но плотной. Между пластинами проступала покрасневшая кожа.

Я коснулась края одного участка.

— Больно?

— Нет.

— А так?

Я слегка надавила рядом с чешуей.

Он едва заметно поморщился.

— Терпимо.

— Я не спрашивала, можете ли вы терпеть.

— Больно, — признал он.

— Давно?

— После последнего вылета. Сначала было больше. Часть исчезла к утру.

— А остальное?

— Осталось.

Я подняла на него глаза.

— Почему вы не пришли вчера?

— До утра я надеялся, что все пройдет. Потом пришлось передать дела заместителю.

— Вы могли отправить за нами.

— Мог.

Он не попытался оправдаться.

Это мне понравилось больше, чем любые красивые объяснения.

Я достала чистый лист для подробного осмотра.

— Командир, окончательное лечение действительно существует. Но я не собираюсь назначать его только потому, что вы попросили. Сначала мы выясним, насколько далеко зашло повреждение. После этого обсудим возможные решения.

— Я знаю, что происходит.

— Тогда вам будет проще ответить на вопросы.

Уголок его рта едва заметно дрогнул.

— Полагаю, спорить бесполезно?

— Можете попробовать. Только перчатку придется оставить у меня. Она заметно ухудшает качество осмотра.

Впервые за все время разговора он почти улыбнулся.

И меня совершенно некстати посетила мысль, что этот мужчина был очень красив.

Я видела достаточно военных, чтобы давно перестать обращать внимание на мундиры, широкие плечи и уверенные голоса. Раненые командиры стонали ничуть не тише простых солдат. А самые грозные мужчины иногда теряли сознание от обычной обработки раны.

Но Радан привлекал не только внешностью.

В нем чувствовалась привычка держать себя в руках. Даже сейчас, когда он был вынужден показать мне то, что предпочел бы скрыть.

Я заставила себя вернуться к осмотру.

— Подождите здесь. Я приглашу старшую целительницу.

— Это необходимо?

— Да.

— Тогда приглашайте.

Я вышла в коридор и направилась к соседнему кабинету.

Нелла Орн разбирала утренние назначения. Перед ней стояла кружка давно остывшего чая, а вокруг лежали листы с записями.

— Ты рано пришла, — сказала она, не поднимая головы.

— У меня пациент.

— Надеюсь, не тот солдат, который вчера уверял, что способен самостоятельно вправить себе плечо?

— Хуже.

Нелла подняла глаза.

— Насколько?

— Радан Корс. Нарушение возвращения. Шесть минут после последнего обращения. Остаточная чешуя на кисти. Провал памяти после вылета.

Она молча отложила перо.

— Давно?

— Несколько недель. Ухудшение нарастает.

— Сам пришел?

— Да. Просит окончательное лечение.

Нелла встала.

— Тогда не будем заставлять его ждать.

Мы вернулись вместе.

Радан поднялся, когда старшая целительница вошла в кабинет.

— Нелла Орн, — представилась она. — Мы знакомы, командир.

— Помню. Вы лечили моего капитана после ранения в грудь.

— Он еще служит?

— Уже снова жалуется на дежурства.

— Значит, поправился окончательно. Садитесь.

Она подвинула второй стул и начала задавать вопросы.

Мне нравилось наблюдать за работой Неллы.

За годы службы я многому у нее научилась, но особенно ценила одно: она никогда не спешила с выводами, даже когда происходящее казалось очевидным.

Пока я изучала кисть Радана, Нелла проверила температуру кожи, дыхание, реакцию на простые команды и способность удерживать внимание.

Попросила его несколько раз сжать и разжать руку.

На третьей попытке пальцы дрогнули.

Радан заметил это одновременно со мной.

— Повторите, — сказала Нелла.

Он выполнил просьбу.

Движение получилось лучше.

— Теперь закройте глаза. Назовите три последних места, в которых вы находились до госпиталя.

Он ответил без задержки.

— Дом. Штаб. Южный двор гарнизона.

— Что вы делали во дворе?

— Говорил с Гартом.

— О чем?

— О передаче командования на время лечения.

Нелла переглянулась со мной.

— Значит, вы действительно подготовились.

— Я не собирался уходить из гарнизона, не оставив заместителя.

— Разумно.

Она закончила проверку и попросила его надеть рубашку, которую он снял для осмотра плеч и спины.

Никаких крупных участков чешуи там не обнаружилось. Но несколько мышц болезненно сокращались даже в покое, а под правой лопаткой сохранялось необычное тепло.

После последнего обращения прошло почти двое суток.

Нелла некоторое время молча изучала записи.

— Вы правильно сделали, что пришли, — наконец произнесла она.

Радан уселся напротив нас.

— Насколько все плохо?

Она не стала смягчать ответ.

— Повреждение серьезное. Вы еще способны контролировать обращение, но восстановление между вылетами уже не возвращает вас к прежнему состоянию. Это опасный признак.

— Мне сказали, что окончательное лечение поможет.

— Поможет, — ответила Нелла. — Если начать его до необратимого срыва.

Я видела, как Радан медленно разжал пальцы.

Он ожидал этого ответа. Возможно, приехал именно за ним.

Но ожидать и услышать вслух оказалось разными вещами.

— Расскажите все, — попросил он.

Нелла кивнула мне.

— Объясняй, Марта.

Я придвинула записи.

— В здоровом состоянии дракон удерживает одну личность в двух обликах. Когда вы обращаетесь, ваше сознание остается прежним. Вы понимаете человеческую речь, помните людей, контролируете собственные действия.

— Пока да.

— Но каждое превращение требует сил. Длительные полеты и использование огня увеличивают нагрузку. Если она слишком велика и повторяется часто, способность управлять обратным превращением постепенно повреждается.

Радан слушал, не перебивая.

— Отдых помогает снять перегрев, дрожь и другие временные последствия, — продолжила я. — Но он не восстанавливает уже поврежденный контроль. Именно поэтому вам становится хуже, хотя между вылетами вы отдыхаете.

— Последние недели я отдыхал мало.

— Я заметила.

— Это не оправдание.

— Я и не предлагаю оправдываться. Мне нужно понять, можно ли сохранить вашу жизнь и не допустить следующего ухудшения.

Нелла добавила:

— Пока вы способны вернуться самостоятельно, у нас есть время. Но я не могу обещать, что его много.

— Если я больше не обращусь?

Мы ждали этого вопроса.

— Это уменьшит риск, — ответила я. — Но не устранит его полностью. При такой степени повреждения сильная травма или тяжелая лихорадка могут вызвать непроизвольное начало оборота.

Он задумался.

— То есть мне недостаточно просто отказаться от полетов?

— К сожалению.

— А окончательное лечение?

— Оно полностью прекращает возможность превращения. После него подобных срывов не будет.

В кабинете стало тихо.

За окном кто-то громко окликнул возницу. По двору проехала телега, колеса застучали по каменным плитам.

Радан провел ладонью по лицу.

— Что останется?

Я не сразу поняла вопрос.

— В каком смысле?

— От меня. Что останется?

Нелла слегка повернулась ко мне.

Ответить должна была я.

— Ваша память, характер, знания, опыт. Вы сможете ходить, разговаривать, работать, жить обычной человеческой жизнью.

— Сразу?

— Нет. После лечения потребуется восстановление. Слабость может сохраняться неделями. Возвращаться к нагрузкам придется постепенно.

— А возраст?

— Вы не состаритесь за три дня, если спрашиваете об этом. Но после лечения продолжительность вашей жизни станет человеческой. Драконье долголетие исчезнет.

Он кивнул.

— Огонь?

— Исчезнет.

— Крылья?

— Тоже.

Радан посмотрел на собственную руку.

— И чешуя?

— Она уйдет. Больше не появится.

Он долго молчал.

Я не торопила.

Мужчина передо мной прожил тридцать девять лет, зная, что способен подняться в небо. Его тело могло принимать форму огромного дракона, а его сила спасала людей, которые никогда не смогут отплатить ему тем же.

Теперь он собирался отказаться от этого навсегда.

Нельзя было требовать, чтобы он принял решение за несколько минут.

— Лечение опасно? — спросил он наконец.

— Это тяжелый курс, — ответила Нелла. — Потребуется постоянное наблюдение. Но мы умеем его проводить. Необходимые средства у нас есть.

— Сколько времени?

— Трое полных суток.

— А если придется обратиться во время лечения?

Я почувствовала неприятное напряжение в животе.

Нелла ответила спокойно:

— Нельзя. После начала курса драконья сила постепенно прекращает действовать. Попытка превратиться в этот период разрушит остатки контроля. Вернуться в человеческий облик вы уже не сможете.

— Понятно.

Он снова посмотрел на меня.

— А если мне станет хуже и я сам начну превращаться?

— Именно поэтому курс проводят под постоянным наблюдением. Мы будем следить за вашим состоянием и помогать переносить изменения. Но после начала лечения нельзя сознательно пытаться вызвать оборот. Это обязательное условие.

— Значит, прежде чем лечь сюда, я должен закончить дела.

— Прежде чем лечь сюда, — поправила Нелла, — вы должны передать их другому человеку.

Радан посмотрел на нее.

Она выдержала взгляд.

— Это разные вещи, командир.

Он неожиданно усмехнулся.

— Вижу, у меня нет ни малейшего шанса встретить здесь покорных женщин.

— У вас есть шанс встретить хороших целительниц, — ответила Нелла. — Советую им воспользоваться.

Он перевел взгляд на меня.

Я пожала плечами.

— Я полностью согласна с наставницей.

В этот раз улыбка задержалась на его лице немного дольше.

И мне захотелось увидеть ее снова.

Я тут же мысленно одернула себя.

Красивый мужчина оставался пациентом. Причем пациентом, которому предстояло принять одно из самых тяжелых решений в жизни.

Мои личные впечатления не должны были вмешиваться в лечение.

— Мы можем подготовить палату к завтрашнему утру, — сказала я. — Сегодня останетесь под наблюдением. Обращаться до начала курса нельзя без крайней необходимости.

— Я понял.

— Нелла будет вести лечение вместе со мной. У нас достаточно средств. Придется лишь перераспределить часть обычной работы.

— Это не создаст проблем другим пациентам?

— Работа организована так, чтобы один тяжелый случай не оставлял без помощи весь госпиталь.

Он кивнул.

— Тогда я согласен.

Я взяла чистый лист.

— Мне нужно услышать, что вы понимаете последствия.

— Я понимаю, что больше не смогу обращаться драконом. Не смогу использовать огонь, летать и жить столько, сколько живут мои сородичи. Во время лечения нельзя превращаться, а после придется восстанавливаться.

Он говорил ровно.

Потом добавил:

— И понимаю, что, если ничего не сделать, однажды могу не вернуться вовсе.

Я положила перо.

— Да.

— Тогда приступайте.

Нелла встала.

— Завтра утром. До этого времени вы наш пациент, командир. А сейчас мне нужно подготовить помещение и людей. Марта, закончишь оформление?

— Конечно.

Когда дверь закрылась, мы остались вдвоем.

Радан осторожно взял правую перчатку.

— Лучше не надевайте, — попросила я. — Чешуя раздражает кожу, а плотная перчатка только усиливает боль.

Он положил ее обратно.

— Вы давно работаете с драконами?

— Шесть лет на границе. Но работаю я не только с ними.

— Я знаю.

— Откуда?

— Несколько раз видел, как вы выходили после ночного дежурства. Вид у вас был такой, будто вы готовы убить любого, кто попросит вас осмотреть еще одну царапину.

Я подняла брови.

— Надеюсь, вы не побоялись обратиться ко мне из-за этого?

— Как видите, рискнул.

— Смелый человек.

— Мне об этом иногда говорят.

Он произнес это совершенно серьезно.

Я не удержалась от улыбки.

До сегодняшнего утра мне казалось, что Радан Корс вообще не умеет шутить. Во всяком случае, при посторонних.

Сейчас он сидел напротив, без привычного военного плаща и перчатки, и выглядел гораздо моложе, чем на плацу.

Хотя усталость никуда не исчезла.

Я закончила заполнение листа и протянула ему.

— Прочитайте. Если останутся вопросы, задайте их до подписания.

Он действительно прочитал все.

Я ожидала этого. Человек, привыкший отдавать приказы, от которых зависели чужие жизни, вряд ли стал бы подписывать незнакомый документ не глядя.

— Здесь сказано, что я должен оставаться в госпитале весь курс.

— Да.

— Без посещений?

— Почему? Гости возможны, если не мешают лечению. Но я бы советовала ограничить служебные разговоры. Вам потребуется отдых.

— Гарт придет сегодня.

— Это нормально. Обсудите с ним передачу дел. Только постарайтесь закончить до вечера.

Он подписал лист.

Я положила документ к остальным записям.

— Вы выглядите так, будто собираетесь провести последние часы перед казнью, — неожиданно произнес Радан.

Я подняла глаза.

— Простите?

— Слишком серьезное лицо.

— Мы обсуждаем необратимое лечение.

— Я заметил.

— Тогда чему мне улыбаться?

Он немного наклонил голову.

— Тому, что пациент пришел вовремя.

Я посмотрела на него.

Он не улыбался.

И от этого простая фраза прозвучала гораздо серьезнее, чем могла бы.

— Да, — ответила я. — Вы пришли вовремя.

Я очень хотела, чтобы это оказалось правдой.

Палату для Радана мы выбрали в дальнем крыле госпиталя.

Раньше там размещали тяжелых пациентов, которым требовались покой и отдельное наблюдение. Комната была достаточно просторной, с широким окном во внутренний двор, крепкой кроватью и местом для медицинских принадлежностей.

Я проверила запас чистого белья, воды и всего необходимого для наблюдения.

Сана помогала мне переносить вещи.

— Правда, что у нас будет лечиться командир Корс? — спросила она, когда мы остались одни.

— Да.

— Надолго?

— По меньшей мере на время курса и начального восстановления. Но окончательно решим по состоянию.

Она поставила кувшин на стол.

— Я видела его утром. Он пришел один.

— Это запрещено?

— Нет, конечно. Просто я думала, что у таких людей всегда есть сопровождение.

— У таких людей?

Сана смутилась.

— Ну... у командиров. Особенно у драконов.

Я расправила простыню.

— Пока человек в состоянии самостоятельно дойти до госпиталя, он вполне может прийти без свиты.

— А если ему станет хуже?

— Поэтому он и останется под наблюдением.

Сана кивнула.

Она была способной помощницей, хотя временами слишком сильно волновалась, когда речь заходила о пациентах с высоким званием.

Мне хотелось, чтобы со временем она избавилась от этой привычки.

Рана у простого солдата болела не меньше, чем у командира. И лечить обоих следовало одинаково внимательно.

— После обеда проведешь обычные перевязки в третьей палате, — сказала я. — Я проверю записи вечером.

— Сама?

— Ты уже два года занимаешься этим под нашим наблюдением. Пора перестать удивляться каждому поручению.

— Я не удивляюсь.

— Тогда почему стоишь?

Сана улыбнулась.

— Уже иду.

Когда она вышла, я оглядела комнату еще раз.

Чистая постель.

Столик у окна.

Кувшин с водой.

Обычная палата, в которой человек собирался навсегда расстаться с частью собственной жизни.

Я поймала себя на том, что долго смотрю на пустую кровать.

Затем закрыла шкаф и вернулась в приемное отделение.

Там меня ждал привычный беспорядок.

Молодой солдат с рассеченной бровью спорил, что никакая перевязка ему не нужна. Пожилой возница жаловался на боль в плече. Женщина привела мальчика, который обжег ладонь о горячую посуду.

Я занялась ими по очереди.

Дала солдату зеркало, чтобы он собственными глазами увидел глубину раны. Помогла вознице снять куртку и направила его на осмотр к дежурному целителю. Обработала ладонь мальчика, объяснив его матери, что делать дома и когда следует вернуться.

Работа помогала.

Пока я занималась чужими вполне понятными бедами, мысли о Радане отступили.

Но ненадолго.

Когда молодой санитар принес мне поднос с чистыми инструментами и повязками, за его спиной появился командир.

Он шел по коридору в сопровождении Неллы. Они что-то обсуждали, и я успела услышать лишь последние слова:

— ...если состояние не изменится, утром начнем по расписанию.

Радан кивнул.

Санитар обернулся.

Увидел темную чешую на неприкрытой руке командира и резко отступил.

Металлический поднос выскользнул из его пальцев.

По полу с оглушительным звоном рассыпались инструменты.

Мальчик с обожженной рукой вздрогнул. Его мать прижала сына к себе.

Санитар побледнел.

— Простите, господин командир. Я не хотел...

— Сначала подними инструменты, — спокойно сказала я. — Их теперь придется обработать заново.

Он опустился на колени.

Я помогла собрать рассыпавшиеся вещи.

— Я правда не хотел, — повторил он тихо.

— Знаю. Ничего непоправимого не произошло.

Радан остановился рядом.

— У меня с утра тоже не слушаются руки, — заметил он.

Санитар поднял голову.

Командир показал кисть, на которой осталась чешуя.

— Даже с перчаткой не справился.

Молодой человек растерянно моргнул.

Потом осторожно улыбнулся.

— Да, господин командир.

— Зови меня просто командиром. Иначе я решу, что меня уже отправили в отставку.

Санитар снова улыбнулся, на этот раз увереннее.

— Хорошо, командир.

Он унес поднос.

Я поднялась и посмотрела на Радана.

— Вам полагается отдыхать.

— Я шел в палату.

— Хорошо.

— Но, кажется, нарушил порядок в вашем отделении.

— Это случается и без вашего участия.

— Тогда не стану брать на себя лишнюю ответственность.

Нелла тихо хмыкнула.

Я проводила взглядом уходящих.

Странно было думать, что всего несколько часов назад я знала об этом мужчине почти исключительно то, что значилось в военных донесениях.

Строгий командир.

Хороший воин.

Опытный дракон.

Теперь я знала, что он не любит просить о помощи, способен посмеяться над собственной неловкостью и старается не пугать людей, которые и так боятся его силы.

Это были небольшие открытия.

Но почему-то именно они остались со мной до конца дня.

После обеда Нелла позвала меня в свой кабинет.

— Сядь, — сказала она.

Я опустилась на стул.

Она подвинула ко мне кружку.

— Чай еще горячий. Можешь считать это редкой удачей.

Я сделала глоток.

— Ты считаешь, мы успеем?

Нелла поняла, о ком я спрашивала.

— Да. Если он не станет снова обращаться и не случится ничего, что резко ухудшит состояние.

— Он выглядит хуже, чем хочет показать.

— Конечно. Ему страшно.

Я поставила кружку.

— Он почти не показал этого.

— А ты ждала, что человек с таким опытом службы начнет плакать у тебя в кабинете?

— Нет.

— Вот и он не собирался. Но страх никуда не исчезает только потому, что мужчина умеет его скрывать.

Я задумалась.

— Он спрашивал, что от него останется.

Нелла внимательно посмотрела на меня.

— Запомни этот вопрос.

— Почему?

— После лечения нам придется помочь ему понять ответ. Сейчас он согласился на потерю силы, но еще не знает, каково это — просыпаться утром и больше не чувствовать привычной магии.

— Он сможет жить нормально.

— Сможет. Но это не означает, что ему не будет тяжело.

Она немного помолчала.

— И не пытайся решить за него, какие чувства ему позволено испытывать. Если он будет жалеть о полетах, это не значит, что лечение было ошибкой.

Я кивнула.

Нелла всегда умела замечать то, до чего я доходила значительно позже.

Она взяла мои записи.

— Состояние ты оценила правильно. План тоже составила разумный. Завтра я начну первую часть курса, потом ты примешь наблюдение. Сменять друг друга будем обязательно.

— Я могу выдержать сутки.

— Верю. Но зачем?

— Я просто...

— Марта.

Я замолчала.

Нелла посмотрела поверх листов.

— Ты собиралась закончить службу в конце месяца. Помнишь?

— Помню.

— А теперь говоришь так, будто без тебя весь госпиталь перестанет работать.

— Я этого не говорила.

— Зато ведешь себя именно так.

Мне нечего было возразить.

Она вернула записи.

— Давай начнем с простого. Сегодня ты закончишь смену вовремя.

— У меня еще три пациента.

— Их примет дежурный целитель. У него есть руки, знания и вполне исправная голова.

Я невольно улыбнулась.

— Ты всегда так говоришь, когда хочешь отправить меня домой.

— Потому что это правда.

Нелла открыла ящик стола и достала сложенный лист.

— Кстати, тебе пришло письмо.

Я узнала печать на сгибе.

Белый Двор.

Наконец-то.

— Почему не сказала раньше?

— Утром ты была занята командиром Корсом. А потом я решила дождаться момента, когда ты перестанешь бегать по коридорам.

Я развернула письмо.

Владелец небольшого дома на южной улице подтверждал предварительную договоренность об аренде первого этажа. Помещение можно было осмотреть после окончания моего служебного срока. Если оно подойдет, договор предлагали подписать до конца следующего месяца.

Я перечитала последние строки дважды.

— Согласился, — произнесла я.

— Кто?

— Хозяин дома. Он готов сдать нам помещение.

Нелла сняла очки.

— Ну наконец-то.

Я протянула ей письмо.

Она прочитала, удовлетворенно кивнула и вернула лист.

— Хорошая новость.

— Очень.

Полгода назад мы начали обсуждать маленькую гражданскую лечебницу в Белом Дворе.

Сначала это казалось почти невозможным. Денег было немного. Подходящие помещения стоили дорого. Кроме того, у каждой из нас оставались обязательства перед военным госпиталем.

Но постепенно дело сдвинулось.

Я накопила необходимую сумму. Нелла договорилась о поставках обычных лечебных средств. Мы нашли дом недалеко от рынка, куда людям было удобно добираться пешком.

Теперь оставалось только посмотреть помещение и заключить договор.

Я должна была радоваться.

И я радовалась.

Только почему-то на несколько мгновений представила не будущую лечебницу, а Радана Корса, сидящего в палате у окна.

Смогу ли я спокойно уехать, если его восстановление затянется?

Я тут же отогнала эту мысль.

У меня была работа и собственный план.

И я не собиралась отказываться от собственного будущего из-за пациента, которого знала недостаточно хорошо.

Даже если он был необыкновенно красивым.

— Что у тебя с лицом? — спросила Нелла.

— Ничего.

— Тогда почему ты так смотришь на письмо?

— Думаю, сколько понадобится денег на ремонт.

Это была правда.

Просто не вся.

Нелла улыбнулась.

— Вот этим и займемся, когда закончим с нашим командиром.

Я аккуратно сложила письмо.

— Договорились.

К вечеру госпиталь немного затих.

Последние повозки с ранеными прибыли еще до обеда. Дежурные закончили распределение пациентов, на кухне готовили ужин, в коридорах пахло горячей похлебкой и чистым бельем.

Я забрала журнал наблюдения и отправилась к Радану.

Он сидел у окна.

Перед ним стоял нетронутый поднос с едой, а в руках он держал несколько листов.

Увидев меня, убрал бумаги.

— Помешала? — спросила я.

— Нет.

— Что читаете?

— Последний доклад из гарнизона.

Я посмотрела на поднос.

— Вижу, доклад оказался вкуснее ужина.

— Не особенно.

— Тогда почему еда осталась нетронутой?

— Не хотелось.

Я поставила журнал на столик.

— Тошнит?

— Нет.

— Болит живот?

— Нет.

— Значит, придется поесть.

Он посмотрел на меня с таким выражением, будто за всю военную службу никто не осмеливался разговаривать с ним подобным образом.

— Это приказ?

— Медицинская рекомендация. Пока без наказания за невыполнение.

— Щедро.

Он отложил бумаги и взял ложку.

Я проверила его температуру.

Снижения жара почти не было, но ухудшения тоже не наблюдалось.

Чешуя оставалась на прежнем месте. Пальцы двигались свободнее, хотя небольшая дрожь сохранялась.

— Голова болит? — спросила я.

— Уже меньше.

— Головокружение?

— Нет.

— Память сегодня не подводила?

— Насколько помню, нет.

Я подняла глаза.

Радан спокойно встретил мой взгляд.

— Это была шутка, — пояснил он.

— Я поняла.

— Не похоже.

— Просто мне приходится различать шутки пациентов и признаки болезни. Иногда первые звучат тревожнее вторых.

Он тихо рассмеялся.

Смех оказался низким, немного хриплым.

Мне понравился этот звук.

И это тоже было совершенно некстати.

Я закончила осмотр и внесла данные в журнал.

— Пока состояние стабильное. Ночью дежурная будет проверять вас по расписанию. Если почувствуете резкое ухудшение, сразу зовите ее.

— Хорошо.

— После полуночи лучше уже не заниматься делами гарнизона.

— Я передал командование Гарту.

— Тогда тем более.

Он посмотрел на оставленные бумаги.

— Привычка.

— Уверена, ваш заместитель справится.

— Справится. Он хороший офицер.

— Так почему вы не можете оставить ему работу хотя бы на несколько дней?

Радан помолчал.

— Потому что я слишком долго отвечал за все сам.

Ответ прозвучал неожиданно честно.

Я не стала его комментировать.

Он посмотрел на меня.

— А вы?

— Что я?

— Вы умеете оставлять работу другим?

Я нахмурилась.

— Разумеется.

— Сегодня, когда я проходил мимо приемного отделения, вы занимались сразу тремя пациентами.

— Это обычное дело.

— А потом сами несли какие-то ящики по лестнице.

— Ящики были легкие.

— Значит, мы оба отлично умеем передавать обязанности.

Я посмотрела на него.

Радан невозмутимо продолжил есть.

Мне захотелось возразить, но я вовремя вспомнила недавний разговор с Неллой.

— Допустим, — сказала я.

Он чуть улыбнулся.

— Вот и договорились.

Я закрыла журнал.

— Постарайтесь сегодня ни о чем не думать.

— Это тоже медицинская рекомендация?

— Настоятельная.

— Боюсь, не получится.

Он положил ложку и посмотрел за окно.

Двор уже погружался в сумерки. На стенах зажгли фонари, у ворот менялся караул.

— Я всегда мог подняться над этими горами, — произнес Радан. — В плохую погоду, ночью, когда нужно было срочно добраться до заставы. Иногда достаточно было нескольких минут, чтобы оказаться там, куда верхом ехали бы половину дня.

Он говорил тихо.

Я не перебивала.

— Когда я был мальчишкой, отец рассказывал, что однажды мне надоест летать. Говорил, что со временем это станет такой же обычной частью жизни, как ходьба.

— Надоело?

— Нет.

Он повернулся ко мне.

— Ни разу.

Впервые за день я отчетливо услышала в его голосе не усталость и не страх, а глубокое сожаление.

— Мне жаль, — сказала я.

Радан покачал головой.

— Не нужно.

— Почему?

— Вы не отнимаете у меня крылья. Я сам пришел к вам.

— Это не значит, что вам не может быть больно от собственного решения.

Он долго смотрел на меня.

Потом отвел глаза.

— Вы всегда так разговариваете с пациентами?

— Как?

— Не пытаетесь убедить, что все будет прекрасно.

Я опустилась на свободный стул.

— Когда человек спрашивает о лечении, я предпочитаю рассказывать то, что знаю. Обещать остальное было бы нечестно.

— Даже если ему хочется услышать что-нибудь приятное?

— Особенно тогда.

Он кивнул.

— Поэтому я и пришел к вам.

Я удивилась.

— Ко мне?

— Да.

— В госпитале есть другие хорошие целители.

— Знаю.

Он некоторое время молчал.

— Помните солдата, которого я привез прошлой осенью? У него была раздроблена нога.

Я помнила.

Молодой парень по имени Тарн. Тогда ему грозила потеря способности нормально ходить. Мы сделали все возможное, но восстановление оказалось долгим.

— Конечно, помню.

— Вы сразу сказали ему, что он не сможет вернуться на службу раньше зимы. Он разозлился, требовал другого целителя. Даже обвинил вас в том, что вы не хотите его лечить.

— Такое бывает.

— А потом вы сидели рядом и объясняли, что он сможет делать после восстановления. Не обещали невозможного. Просто рассказали, что предстоит.

Я попыталась вспомнить тот день.

Был тяжелый вечер. В госпиталь поступило сразу несколько раненых. Тарн боялся, что навсегда останется калекой.

Я действительно сидела рядом с его кроватью.

Но не знала, что Радан тогда наблюдал за нами.

— Вы остались? — спросила я.

— Ждал сведений о другом раненом. Дверь была открыта.

— И запомнили?

— Да.

Мне стало неожиданно тепло.

Весь год я считала, что командир Корс едва различает лица госпитальных работников.

Оказалось, он обращал внимание на гораздо большее, чем я думала.

— Тогда вы знаете, что я не стану обещать вам легкого лечения, — сказала я.

— Знаю.

— И не могу обещать, что вы сразу привыкнете к жизни без драконьей силы.

— Это я тоже понимаю.

Он немного помолчал.

— Но вы можете сказать, что я останусь собой?

Вопрос прозвучал совсем не так, как утром.

Тогда он хотел выяснить, что физически сохранится после лечения.

Сейчас спрашивал о другом.

Я посмотрела ему прямо в глаза.

— Да, Радан. Вы останетесь собой.

Я впервые назвала его по имени без звания.

Он заметил.

И я заметила, что он заметил.

Но ни один из нас не стал делать вид, будто произошло нечто необыкновенное.

— Хорошо, — тихо сказал он.

Я поднялась.

— Отдыхайте. Завтра будет трудный день.

Он проводил меня взглядом.

Уже у двери я услышала:

— Марта.

Я обернулась.

— Да?

— Вы ведь собираетесь уходить из госпиталя?

Я удивленно подняла брови.

— Откуда вы знаете?

— Сегодня видел у вас на столе письмо с печатью Белого Двора. И вспомнил, что вы когда-то говорили Нелле о собственной лечебнице.

— У вас прекрасная память на чужие разговоры.

— На некоторые.

— Мы действительно собираемся открыть лечебницу. Для гражданских.

— Хорошее дело.

— Надеюсь.

— В Белом Дворе?

— Да.

Радан кивнул.

— Там удобное место. Большой рынок, несколько жилых улиц. И гарнизон неподалеку.

— Вы хорошо знаете город?

— Доводилось бывать.

Он посмотрел на меня с едва заметной улыбкой.

— Покажете когда-нибудь свою лечебницу?

Вопрос оказался настолько неожиданным, что я не сразу ответила.

Он не приглашал меня на свидание.

Не делал двусмысленных предложений.

Просто спросил о том, чем я собиралась заниматься.

И все же мне почему-то захотелось улыбнуться.

— Если захотите, покажу.

— Захочу.

Он сказал это без промедления.

Я почувствовала, как теплеют щеки.

Хорошо, что в палате уже горел только один светильник.

— Тогда сначала выздоравливайте, — произнесла я.

— Постараюсь.

Я вышла в коридор.

За спиной тихо закрылась дверь.

Мне предстояло закончить несколько записей, передать журнал дежурной и наконец отправиться домой.

Обычные дела.

Но почему-то весь путь до своего кабинета я вспоминала один простой вопрос.

Покажете когда-нибудь свою лечебницу?

Наверное, он спросил из вежливости.

Хотя Радан Корс совсем не походил на человека, привыкшего говорить лишнее.

В моем кабинете уже горела настольная лампа.

Я сняла рабочую накидку, вымыла руки и села за стол.

Передо мной лежало письмо из Белого Двора.

Я еще раз развернула его.

Небольшой дом.

Помещение с отдельным входом.

Возможность наконец заниматься любимым делом без бесконечных военных тревог и ночных поступлений.

Я шесть лет шла к этой цели.

Иногда мне казалось, что никогда не решусь уйти.

Каждый раз находилась причина остаться.

Не хватало людей. Прибывали новые раненые. Требовалось обучить помощников. Кто-то заболевал, кто-то уезжал.

Я убеждала себя, что еще немного поработаю, а потом обязательно займусь собственной жизнью.

Теперь у меня было письмо.

Реальное предложение.

И дата, до которой следовало принять решение.

Я положила его в папку.

Осталось только завершить службу.

На столе стояла деревянная рамка с маленькой семейной фотографией. Мать, отец, я и младший брат. Снимок был сделан несколько лет назад, когда я приезжала домой на короткий отпуск.

Мама тогда сказала:

«Марта, мы все гордимся твоей работой. Но ты ведь когда-нибудь начнешь жить не только ради нее?»

Я ответила, что уже живу.

Сейчас вспомнила этот разговор и невольно вздохнула.

Наверное, она была права.

Я действительно слишком долго откладывала многое.

Покупку собственного дома.

Путешествия.

Обычные вечера без тревоги, что в любую минуту меня вызовут к очередному раненому.

Отношения.

Когда-то рядом со мной был мужчина, который хотел спокойной совместной жизни. Он просил переехать к нему, оставить службу на границе и начать все сначала.

Я отказалась.

Не потому, что не любила его.

Просто тогда еще не была готова уходить.

Мы расстались без громких сцен. Он не стал ждать, а я не попросила.

Иногда я думала, правильно ли поступила.

Но жалеть о выборе было бессмысленно.

Теперь впереди появлялась возможность попробовать другую жизнь.

Я закрыла папку и встала.

Стук в дверь заставил меня обернуться.

На пороге стояла Сана.

— Марта, Нелла просила передать, что ночное дежурство уже приняла Илена. Вы можете идти.

— Спасибо.

Сана задержалась.

— А командир Корс?

— Стабилен. Его состояние записано в журнале. Если ночью появятся изменения, меня найдут.

Она кивнула.

— Он очень страшный?

— Кто?

— Дракон.

Я не сразу ответила.

— Сана, сегодня ты сама видела его в коридоре.

— Я видела человека.

— Так это и есть Радан Корс.

Она смущенно улыбнулась.

— Понимаю.

Я взяла плащ.

— Он нуждается в помощи. Как и любой другой пациент. Не забывай об этом.

— Не забуду.

Мы вместе вышли в коридор.

У входа в госпиталь я остановилась, чтобы застегнуть плащ.

Двор был темным. Моросил мелкий дождь. На сторожевой башне светился фонарь, у коновязи тихо переступали лошади.

Я уже собиралась пройти к воротам, когда со стороны главной дороги послышался быстрый стук копыт.

Сначала я не обратила внимания.

В гарнизон постоянно прибывали гонцы. Особенно в последние недели, когда северные заставы все чаще сообщали о неприятельских отрядах.

Но этот всадник не замедлил лошадь перед внешними воротами.

Он выкрикнул что-то караульным.

Те немедленно открыли створки.

Лошадь ворвалась во двор, поскользнулась на мокрых камнях и едва удержалась на ногах.

Всадник спрыгнул на землю.

Его плащ был покрыт грязью. На щеке виднелся подсохший след крови.

— Где командир Корс? — крикнул он. — Срочное донесение с северной границы!

Я шагнула ему навстречу.

— Командир находится в госпитале.

— Мне нужно увидеть его немедленно.

— Вы ранены?

— Это не моя кровь.

Он снял с плеча кожаную сумку и вытащил сложенный лист, скрепленный печатью.

— У меня приказ передать лично командиру. Северные укрепления атакованы. Передовые заставы потеряли связь со штабом.

Из госпиталя уже выходили солдаты.

Я почувствовала, как неприятно похолодели пальцы.

— Что произошло? — спросила я.

Гонец посмотрел на меня.

— Прорыв, госпожа целительница. Они прорвали северную границу.

Несколько мгновений я молча смотрела на него.

Слово было знакомым.

Мы слышали его в донесениях, на совещаниях, во время тревожных разговоров.

Но до сих пор враг находился достаточно далеко, чтобы Лиственский госпиталь продолжал работать в обычном порядке.

Теперь привычный порядок закончился.

— Сколько у нас времени? — спросила я.

— Не знаю. Северные части продолжают сражаться. Но командованию уже приказано готовить долину к эвакуации.

Я резко обернулась к зданию.

На втором этаже, в дальнем крыле, горел свет.

Там находился мужчина, которому утром предстояло навсегда отказаться от драконьей силы.

Мужчина, который сегодня согласился не обращаться без крайней необходимости.

— Идите за мной, — сказала я гонцу.

Мы почти бегом пересекли приемный покой.

Нелла вышла из кабинета, услышав шум.

— Что случилось?

— Прорыв границы. Нужен командир.

Она побледнела, но сразу собралась.

— Я предупрежу дежурных. Марта, узнай, есть ли распоряжение по госпиталю.

Я кивнула и повела гонца дальше.

Перед палатой Радана остановилась.

В груди неприятно стучало сердце.

Утром мы говорили о трех сутках лечения.

Вечером обсуждали будущую жизнь.

Теперь все могло измениться еще до рассвета.

Я постучала.

— Войдите, — раздалось изнутри.

Радан сидел за столом. Рядом с ним лежала раскрытая карта.

Увидев меня и гонца, он сразу встал.

— Докладывайте.

Всадник передал письмо.

— Срочное сообщение северного штаба, командир. Противник прорвал линию застав. Основные укрепления удерживаются, но положение тяжелое. Получен приказ начать подготовку к эвакуации Рудной долины.

Радан развернул донесение.

Я видела, как изменилось его лицо.

Исчезла усталость, которую он перестал скрывать рядом со мной.

Осталась сосредоточенность.

Знакомая мне по прежним встречам.

Он дочитал, перевернул лист и изучил последнюю строку.

— Когда отправлено?

— Около шести часов назад.

— Кто сейчас удерживает дорогу на северном участке?

Гонец назвал несколько подразделений.

Радан задал еще два вопроса.

Я стояла у двери и слушала, как он быстро выяснял обстановку.

Не пытался командовать наугад.

Не отдавал распоряжений, пока не понял, что именно известно.

Это было разумно.

И оттого еще страшнее.

Потому что я видела, куда направлялись его мысли.

К дороге.

К раненым.

К людям, которых придется выводить из долины.

И к собственным крыльям.

Когда гонец закончил, Радан сложил донесение.

— Отправьте за Гартом Тессом. Пусть прибудет с последними сведениями из гарнизона. И найдите дорожного мастера Берека. Он понадобится нам здесь.

— Будет исполнено, командир.

Гонец вышел.

Я осталась.

Радан посмотрел на меня.

Несколько секунд мы молчали.

Потом я произнесла:

— Утром мы должны начать лечение.

— Знаю.

— Вы понимаете, что означает новое обращение для вашего состояния?

— Понимаю.

— Тогда скажите, что не собираетесь сейчас лететь к границе.

Он подошел к столу и положил письмо рядом с картой.

— Сейчас я никуда не полечу. Сначала нужно узнать, сколько времени осталось у долины и как организовать эвакуацию.

— А потом?

Радан посмотрел на меня.

Утром он просил навсегда лишить его драконьей силы.

Сейчас передо мной стоял командир, которому только что сообщили об опасности для сотен людей.

Я видела, что он не забыл ни одного моего предупреждения.

И все же боялась ответа.

— Потом будем решать, — сказал он.

— Радан...

Он подошел ближе.

— Марта, я не собираюсь делать вид, что сегодня ничего не произошло. Но и отменять лечение, не разобравшись в обстановке, не стану.

Я хотела возразить.

Сказать, что его жизнь нельзя снова ставить под угрозу.

Что мы уже нашли способ остановить повреждение.

Что он сам пришел ко мне и согласился навсегда отказаться от полетов.

Но за стенами госпиталя находились сотни людей.

Семьи с детьми.

Старики.

Раненые, которых невозможно было просто посадить на лошадей и отправить в горы.

И я знала, что Радан думает о них.

— Нам нужно поговорить с Неллой, — сказала я. — Прежде чем вы примете какое-либо решение о превращении.

— Обязательно.

Он ответил сразу.

Это немного успокоило меня.

Но только немного.

За дверью послышались быстрые шаги.

Кто-то звал дежурного офицера. По коридору прошел санитар с сумкой перевязочных средств.

Я посмотрела на правую руку Радана.

Темная чешуя по-прежнему покрывала запястье.

Он заметил мой взгляд и медленно опустил ладонь.

— Вы сегодня сказали, что я пришел вовремя, — произнес он.

— Да.

— Надеюсь, вы не ошиблись.

Я не смогла ответить.

Потому что еще утром верила: у нас есть время.

Трое суток на лечение.

Несколько недель на восстановление.

А потом целая человеческая жизнь, которую Радан сможет прожить без страха однажды не вернуться из драконьего облика.

Теперь даже начало лечения зависело от того, что происходило за северной границей.

Радан повернулся к карте.

Я осталась рядом.

И впервые за весь день мне стало по-настоящему страшно за мужчину, который сам пришел ко мне, чтобы больше никогда не превращаться в дракона.

Глава 2. Обещание

Утром я проснулась от колокольного звона.

Не от обычного сигнала, которым в госпитале отмечали начало первой смены. На сторожевой башне били тревогу. Три удара, короткая пауза, еще три.

Я открыла глаза и несколько секунд смотрела в потолок.

Ночью мне удалось поспать не больше четырех часов. После прибытия гонца мы с Неллой до полуночи проверяли списки пациентов, распределяли дежурства и готовили помещения для тех, кого могли доставить с северных застав.

Потом я вернулась домой, легла, закрыла глаза и почти сразу начала думать о Радане.

О его руке с остатками чешуи.

О словах, произнесенных в моем кабинете.

О том, что он собирался навсегда отказаться от крыльев.

И о приказе, который мог заставить его снова ими воспользоваться.

Я поднялась, умылась холодной водой и оделась.

На улице еще не рассвело окончательно. Над крышами лежали низкие облака, с востока тянуло сырым ветром. По дороге к госпиталю двигались повозки. У одной из них мужчина торопливо привязывал к борту деревянный сундук, пока жена пыталась успокоить плачущую девочку.

Вчера этот двор жил обычной жизнью.

Сегодня люди собирались покинуть дома.

У ворот госпиталя меня встретила Сана.

— Марта! Нелла велела вам сразу идти в большую комнату. Там собираются командиры.

— Что с пациентами?

— Пока все спокойно. Ночью привезли троих с северной дороги. Одного с переломом ноги, двоих с легкими ранениями. Их уже осмотрели.

— Хорошо. Подготовь список тех, кто может ехать сидя. И отдельно тех, кому нужна перевозка лежа.

— Я начала.

— Тогда продолжай. После совещания проверим вместе.

Она кивнула и убежала.

Я сняла мокрый плащ, повесила его у двери и направилась к комнате, где обычно проводили собрания госпитальных работников.

Теперь там находились военные.

Радан стоял у большого стола. Перед ним лежала развернутая карта Рудной долины. Рядом находился незнакомый мне широкоплечий мужчина с коротко остриженными волосами.

На груди у него был знак старшего офицера.

— Доброе утро, Марта, — сказал Радан.

Я остановилась у порога.

Он выглядел лучше, чем вчера вечером. По крайней мере, на первый взгляд. Плечи расправлены, голос ровный, лицо спокойное.

Но правая рука оставалась без перчатки.

И чешуя никуда не исчезла.

— Доброе утро, командир.

— Это Гарт Тесс, мой заместитель.

Мужчина повернулся ко мне.

— Госпожа Вейр. Слышал о вас.

— Надеюсь, только хорошее.

— В основном жалобы солдат на то, что вы не позволяете им возвращаться в строй раньше положенного.

— Значит, информация достоверная.

Гарт неожиданно улыбнулся.

Радан указал на свободное место.

— Присаживайтесь. Сейчас подойдет дорожный мастер.

Я села рядом с Неллой.

Она протянула мне лист с ночными записями.

— У Радана состояние без существенных изменений, — тихо сказала она. — Жар немного уменьшился. Чешуя на месте. Новых провалов памяти не было.

Я быстро просмотрела записи.

— Он спал?

— Несколько часов.

— Этого мало.

— Согласна. Но сейчас у нас другие обстоятельства.

Она произнесла это без раздражения.

И я поняла, что Нелла тоже почти не отдыхала.

Дверь открылась.

В комнату вошел невысокий крепкий мужчина лет пятидесяти с поседевшей бородой. На его куртке виднелись следы дорожной пыли, а под мышкой он держал свернутые чертежи.

— Берек, — представил его Гарт. — Дорожный мастер.

— Доброе утро, — буркнул мужчина. — Хотя хорошего в нем пока мало.

Он разложил чертежи рядом с картой.

Радан дождался, пока все расселись.

— Начнем. Ночью получены еще два донесения. Северные укрепления продолжают сопротивляться, но противник уже вошел в долину через восточный проход. Передовые отряды могут появиться на дорогах в ближайшие дни.

Гарт указал пальцем на карту.

— Основные силы противника пока связаны боями у северных укреплений. Это дает нам время. Сколько именно, никто не скажет. Рассчитывать на то, что дорога будет свободна две недели, нельзя.

Я посмотрела на карту.

Рудная долина тянулась между горными хребтами. От Листвена дорога шла к Серому перевалу, затем поворачивала вдоль ущелья и пересекала его по мосту.

За мостом находился Белый Двор.

Крепость с действующим гарнизоном, складами и помещениями, где можно разместить раненых.

Когда-то я собиралась переехать туда совершенно спокойно.

Теперь весь путь до города превратился в вопрос выживания.

— Сколько гражданских остается в долине? — спросила Нелла.

Гарт открыл список.

— По последней переписи около шестисот человек. Часть уже находится ближе к перевалу. Остальные в Листвене и окрестных селениях.

— Сколько повозок?

— Сейчас можем выделить двадцать семь. Еще восемь используются для военных грузов. Есть торговые подводы, но их владельцев нужно найти. Лошадей тоже придется собирать.

— Этого недостаточно, — сказала я.

— Знаю.

— Только в нашем госпитале сорок два пациента, которых нельзя перевозить сидя. Им нужны специальные места. Если уложить людей как попало, половину дороги они просто не выдержат.

Гарт посмотрел на меня.

— Сколько транспорта потребуется?

— Я дам точный расчет после проверки состояния каждого. Но хочу сразу предупредить: обычную повозку нельзя считать подходящей только потому, что в ней есть свободное место.

— Мы выделим плотников для оборудования настилов.

— И людей, которые будут помогать переносить больных, — добавила Нелла. — Целительницы не смогут одновременно заниматься лечением и погрузкой.

— Сделаем.

Мне понравилось, что Гарт не стал спорить.

Он записывал наши требования и сразу искал, как их выполнить.

Радан слушал, опершись ладонью о край стола.

— Первые группы должны уйти сегодня, — сказал он. — Все, кто способен передвигаться самостоятельно и не нуждается в медицинском сопровождении, отправятся налегке. По дороге уже есть склады продовольствия и места водопоя.

— А госпиталь? — спросила я.

— Последним.

Я подняла голову.

— Почему?

Он посмотрел на меня.

— Потому что вам потребуется несколько дней, чтобы подготовить тяжелых пациентов. Мы не можем сейчас забрать у вас все повозки, пока не вывезли семьи из дальних селений. Кроме того, первые группы проверят дорогу и сообщат, какие участки требуют ремонта.

— А если противник успеет приблизиться?

— Поэтому госпитальная колонна пойдет под усиленной охраной.

— Сколько солдат?

Гарт ответил раньше Радана:

— Девяносто. Часть впереди, часть по бокам и позади. Отдельные разведчики будут проверять путь перед каждым переходом.

Я посмотрела на карту.

— Сколько дней до Белого Двора?

Берек подвинул к себе чертежи.

— Если идти налегке, можно добраться значительно быстрее. Но с лежачими ранеными и несколькими десятками повозок рассчитывайте почти на две недели. Дорога горная. Есть узкие места, есть длинные подъемы.

— Две недели, — повторила я.

— При условии, что мост будет цел, — добавил он.

Радан поднял взгляд.

— Именно о мосте я хотел поговорить.

Берек развернул второй чертеж.

На нем был изображен широкий каменный мост через ущелье.

Я знала это место. Проезжала там несколько раз. С одной стороны поднимались отвесные скалы, с другой проходила узкая дорога, зажатая между каменной стеной и обрывом.

— Переправа старая, — объяснил мастер. — Ее укрепляли лет пятнадцать назад. Для обычного движения мост надежен. Для тяжелой военной колонны тоже подойдет. Но дорога к нему одна.

Гарт кивнул.

— Если противник займет переправу раньше нас, госпитальная колонна окажется отрезана.

— А если мы успеем пройти? — спросил Радан.

Берек положил ладонь на чертеж.

— Тогда мост можно разрушить после выхода последней группы. Не за один удар, разумеется. Нужны люди, инструмент, подготовка. Но это возможно.

Я посмотрела на него.

— Вы собираетесь уничтожить единственную дорогу?

— После того как все наши люди окажутся по другую сторону, — ответил Радан.

— А те, кто не успеет?

— Поэтому мы должны точно знать, что никто не остался.

Он не раздражался.

Говорил так, словно вопрос был ожидаемым и необходимым.

Берек продолжил:

— Противник сможет искать обходные тропы. Отдельные пешие отряды, возможно, пройдут через горы. Но провести по ним тяжелые повозки, большое количество припасов и осадные машины быстро не получится.

— То есть вы выиграете время, — сказала Нелла.

— Именно, — ответил Гарт. — Белый Двор сможет удерживать оборону, пока подходят подкрепления.

Я задумалась.

План был понятным.

Не чудесным спасением и не надеждой на то, что один дракон уничтожит всю вражескую армию.

Просто последовательностью действий.

Вывести людей.

Подготовить мост.

Обеспечить проход последней колонны.

Разрушить переправу.

И удерживать крепость.

— А рабочие? — спросила я. — Кто будет готовить разрушение?

— Люди Белого Двора начнут работу, как только получат распоряжение, — объяснил Берек. — Я отправлю им чертежи и указания. Потом сам поеду вперед. Тамошние дорожники знают мост, но подготовку такого дела лучше поручить человеку с опытом.

— Сколько времени понадобится?

— Несколько дней на начальные работы. Основная трудность — закончить подготовку, не мешая проходу повозок. И не дать врагу захватить переправу раньше нас.

Радан повернулся к Гарту.

— Отправь двух конных посыльных разными дорогами. Один передаст распоряжение гарнизону Белого Двора. Второй — запрос на подкрепление и транспорт в соседние части.

— Уже готовлю.

— Укажи, что нам требуются прежде всего повозки, тягловые животные, припасы и люди для охраны дороги.

— А драконы? — спросил Берек.

В комнате стало тихо.

Гарт посмотрел на Радана.

— Запросить можем. Но соседние гарнизоны сами прикрывают отход своих жителей.

— Все равно запрашивай, — ответил командир. — Лучше получить отказ, чем даже не попытаться.

Он говорил разумно.

До тех пор, пока я не услышала следующую фразу.

— Если второго дракона не выделят, воздушное прикрытие останется на мне.

Я выпрямилась.

— Нет.

Все посмотрели на меня.

Радан повернул голову.

— Марта?

— Вы пришли в госпиталь для окончательного лечения. Вчера мы обсуждали ваши провалы памяти и нарушение возвращения. Сегодня вы не можете просто объявить, что продолжите летать.

— Я не объявляю. Я предлагаю обсудить условия.

— Тогда начнем с того, что каждое новое обращение увеличит повреждение.

— Я знаю.

— И можем дойти до состояния, когда лечить станет поздно.

— Это я тоже знаю.

Нелла положила ладонь на стол.

— Давайте не превращать совещание в спор, — сказала она. — Нам нужны сведения о состоянии пациента и оценка реальных задач. Ни один из нас пока не знает, потребуется ли дракон в каждом конкретном случае.

Радан посмотрел на нее.

— Я хочу отложить лечение до выхода последнего госпитального обоза из долины.

Меня словно холодной водой облили.

— На две недели?

— На время эвакуации.

— Это почти одно и то же.

— Не обязательно. Если удастся обеспечить дорогу другими средствами, я начну курс раньше.

Я нахмурилась.

— И сколько раз вы собираетесь обращаться за эти дни?

— Столько, сколько окажется действительно необходимо.

— Это не ответ.

— Другого у меня сейчас нет.

Он не пытался давить званием.

И от этого мне было еще труднее возражать.

Я понимала, что происходит за стенами госпиталя.

Понимала, почему ему тяжело оставаться в палате, когда солдаты и гражданские нуждаются в защите.

Но передо мной находился пациент с серьезным повреждением контроля.

И я не собиралась забывать об этом только потому, что пациент командовал гарнизоном.

— Хорошо, — сказала я после паузы. — Тогда у меня есть условия.

Радан кивнул.

— Слушаю.

— Перед каждым обращением полный осмотр. Решение о вылете принимается только после обсуждения с целителями и командованием. Если задачу можно выполнить обычными силами, вы не летите.

— Согласен.

— Никаких полетов ради проверки слухов, личной разведки или желания убедиться во всем самостоятельно.

Гарт кашлянул.

Я посмотрела на него.

Он старательно сохранял серьезное выражение лица.

Радан заметил это тоже.

— Продолжайте, Марта.

— Никакого длительного пребывания в драконьем облике, если можно ограничить задачу. Никакого преследования отступающего противника ради победного доклада. И никакого использования огня без необходимости.

— Согласен.

— После каждого возвращения осмотр. Если появятся признаки критического ухудшения, дальнейшие обращения прекращаются.

Он некоторое время смотрел на меня.

— Даже если кто-то останется за линией обороны?

Вопрос был неприятным.

Но именно на такие вопросы и требовалось отвечать заранее.

— Мы будем искать другой способ помочь, — сказала я. — Но не станем намеренно превращать вас в неконтролируемую угрозу для тех же людей.

Радан медленно кивнул.

— Хорошо.

Я не ожидала, что он согласится так быстро.

Возможно, потому, что он сам приехал к нам с просьбой о лечении.

И лучше всех понимал, чего стоит еще один вылет.

Нелла просмотрела свои записи.

— Я поддерживаю условия Марты. Но мы должны добавить одно. Для каждого возвращения нужна отдельная безопасная площадка. Подальше от гражданских и госпитальных повозок.

Гарт сразу откликнулся:

— У южного склона есть старый тренировочный двор. Ровная площадка, хороший обзор, с двух сторон каменные стены. Людей рядом почти нет.

— Подойдет, если расчистить въезд, — сказал Радан.

— Расчистим, — ответил Гарт.

Нелла кивнула.

— Туда будут приходить целители. После посадки Радан остается на площадке до завершения возвращения и осмотра.

Я взглянула на командира.

— Слышали?

— Слышал.

— И никаких возвращений прямо во двор госпиталя.

— А я надеялся произвести впечатление.

— В таком случае выберите менее опасный способ.

Он едва заметно улыбнулся.

Мне следовало бы порадоваться, что разговор проходил спокойно.

Но тревога не исчезала.

Потому что мы пока обсуждали, как позволить человеку снова сделать то, что могло стоить ему рассудка.

Когда совещание закончилось, я задержалась у стола.

Гарт вышел отдавать распоряжения. Берек забрал чертежи и отправился к посыльным. Нелла направилась в госпитальное отделение, чтобы продолжить подготовку к эвакуации.

Радан собирал карты.

— Вы остались, потому что хотите сказать мне что-то еще? — спросил он.

— Да.

Он положил бумаги.

— Слушаю.

— Вы понимаете, что мы не можем гарантировать безопасное возвращение?

— Понимаю.

— Даже после короткого вылета.

— Да.

Я посмотрела на его руку.

Он заметил мой взгляд и медленно сжал пальцы.

— Марта, мне не нужно объяснять, насколько серьезно мое состояние. Я пришел сюда сам.

— Тогда почему вы так спокойно предлагаете откладывать лечение?

Он некоторое время молчал.

— Потому что я знаю, сколько людей находится в долине.

— А если вы потеряете контроль?

Радан поднял глаза.

— Именно об этом я хотел поговорить с вами отдельно.

Мне не понравилось, как он это произнес.

Не из-за угрозы в голосе.

Напротив.

Он говорил слишком спокойно.

— О чем?

— О том, что должно произойти, если я не смогу вернуться человеком.

У меня пересохло во рту.

— Мы уже предусмотрели наблюдение и отдельную площадку.

— Этого недостаточно.

— Почему?

Он подошел к окну.

Во дворе солдаты грузили на повозку деревянные ящики. Двое работников госпиталя переносили носилки. У ворот столпились люди с узлами и корзинами.

Радан некоторое время смотрел на них.

— Вы знаете, что случилось с драконом из Тарнского гарнизона три года назад?

Я вспомнила старые служебные записи.

— Он потерял контроль после тяжелого боя.

— Да.

— Его не смогли вернуть?

— Нет.

Он повернулся ко мне.

— Он перестал узнавать людей. Не понимал приказов. Бросался на все, что двигалось рядом. Мы пытались его остановить.

Я молчала.

— Я был там, — добавил Радан. — И видел, чем все закончилось.

Он не рассказывал подробностей.

Не пытался напугать меня кровавыми сценами.

Но выражение его лица изменилось.

Я впервые увидела, что воспоминание действительно причиняет ему боль.

— Вы поэтому решили лечиться? — тихо спросила я.

— Отчасти. Тогда я считал, что со мной такого не произойдет. Был уверен, что сумею вовремя остановиться.

— А сейчас?

— Сейчас знаю, что могу ошибиться.

Он подошел к столу.

— Поэтому я хочу, чтобы вы заранее договорились с Гартом.

— О чем?

Радан посмотрел мне прямо в глаза.

— Если я окончательно потеряю человеческий контроль и начну нападать на людей, вы должны сообщить об этом. Гарт отдаст приказ остановить меня.

Я медленно выдохнула.

— Вы имеете в виду обездвижить?

— Если получится и это будет безопасно, да.

— А если нет?

— Тогда стрелять на поражение.

Я отступила на шаг.

Несколько секунд просто смотрела на него.

Вчера этот мужчина сидел в моем кабинете и пытался справиться с застежкой перчатки.

И даже шутил о том, что госпиталь полон непокорных женщин.

А сейчас просил меня согласиться на решение, после которого он мог не остаться в живых.

— Нет, — сказала я.

Радан не изменился в лице.

— Марта...

— Нет. Вы не можете просто прийти ко мне с такой просьбой.

— Я пришел не только к вам.

— Но сейчас говорите со мной.

— Потому что именно вы будете оценивать мое состояние после возвращения.

— Я целительница.

— Знаю.

— Моя работа — спасать людей, Радан. Я не могу обещать вам смерть на случай, если вы испугаетесь того, что с вами происходит.

Он нахмурился.

— Я не прошу убить меня из-за страха.

— Тогда объясните, чего хотите.

Радан подошел ближе, но не стал касаться меня.

— Хочу, чтобы вы не скрыли правду, если я превращусь в опасность для окружающих. Если перестану понимать речь, узнавать людей и начну нападать, мне нельзя позволить добраться до госпитальной колонны.

— Это крайняя стадия.

— Да.

— А если вы просто не сможете сразу вернуться?

— Тогда помогайте мне.

— Если будете напуганы? Если не сможете говорить?

— Помогайте.

— Если потеряете сознание?

— Лечите.

Я замолчала.

Он смотрел спокойно и внимательно.

— Но если я перестану быть человеком в том смысле, в котором мы с вами сейчас разговариваем, и начну убивать тех, кого обязан защищать, вы должны сказать об этом Гарту.

— Почему именно я?

Вопрос вырвался резче, чем я хотела.

— У вас есть заместитель. Есть Нелла. Есть другие целители.

— Они тоже будут знать условия.

— Тогда почему вы говорите это мне?

Радан некоторое время молчал.

Потом ответил:

— Потому что я вам доверяю.

Я невольно покачала головой.

— Мы почти не знакомы.

— Не совсем.

— Несколько служебных встреч не дают вам оснований доверять мне собственную жизнь.

— Вы ошибаетесь.

Он произнес это без раздражения.

— Прошлой зимой я привез сюда двух раненых солдат. Помните?

Я нахмурилась.

Зимой у нас было много тяжелых поступлений.

— Один из них был капитаном, — напомнил Радан. — Второй простой рядовой. У капитана была сломана рука. У солдата — сильная кровопотеря.

Я вспомнила.

Капитан требовал, чтобы его приняли первым.

Радан тогда тоже вмешался, потому что не сразу понял, насколько тяжелым было состояние второго раненого.

Я отказала.

Приказала перенести рядового в лечебную комнату, а капитану объяснила, что его рука подождет.

— Вы тогда возразили мне, — сказал Радан.

— Потому что ваш солдат мог умереть.

— Да. А я сначала не знал этого.

Он слегка наклонил голову.

— Вы не испугались моего звания. Не стали выбирать того, кто громче требовал помощи. Вы объяснили мне причину, и я понял, что вы правы.

Я смотрела на него.

— Это обычная работа.

— Возможно. Но я запомнил.

Он помолчал.

— И еще помню Тарна. Вы не обещали ему, что он через неделю вернется в строй, хотя он очень хотел это услышать. Вы говорили с ним честно.

Я опустила глаза.

Радан продолжил:

— Я не хочу, чтобы рядом со мной оказался человек, который будет обещать невозможное только потому, что ему страшно сказать правду.

Мне стало трудно дышать.

— Вы можете не дойти до такой стадии, — сказала я.

— Именно на это я и надеюсь.

— И мы можем начать лечение раньше, если появится возможность.

— Да.

— Тогда почему вы говорите со мной так, будто все уже решено?

Впервые за весь разговор он выглядел по-настоящему уязвимым.

— Потому что не хочу оставлять это решение на последние секунды, когда никто не будет понимать, что делать.

Я закрыла глаза.

Он был прав в одном.

Если мы соглашались на новые обращения, нам требовался порядок действий на случай опасности.

Не красивая клятва.

Не обещание умереть героем.

А понятный план, по которому люди сумеют защититься, если болезнь зайдет слишком далеко.

Но от этого мне не становилось легче.

— Я не могу ответить сейчас, — сказала я.

— Хорошо.

— Мне нужно поговорить с Неллой. И с Гартом.

— Разумеется.

— И я хочу, чтобы мы записали признаки, при которых вообще можно говорить об окончательной потере контроля. Не просто долгом возвращении. Не слабости. Не растерянности после вылета.

— Согласен.

— И никакого решения по моему единоличному слову, пока есть возможность получить вторую оценку.

— Согласен.

Я посмотрела на него.

— Вы со всем соглашаетесь.

Он устало улыбнулся.

— Не со всем, Марта. Только с тем, в чем вы правы.

Я не смогла улыбнуться в ответ.

Радан заметил это.

— Я не хочу умирать, — сказал он тихо.

Эти слова оказались самыми тяжелыми из всех, что он произнес.

Я подняла глаза.

— Тогда зачем...

— Потому что хочу жить. Человеком. Без страха однажды причинить вред тем, за кого отвечаю. Я уже решил пройти лечение. И сделаю это, как только мы обеспечим дорогу.

Он помолчал.

— Но пока идет эвакуация, мне может понадобиться еще несколько раз стать драконом. Я должен быть уверен, что не поставлю всех под угрозу.

Мне хотелось сказать, что его жизнь тоже имеет значение.

Что он не просто оружие гарнизона.

Что существуют другие люди, способные защищать долину.

Но Радан уже знал это.

И, кажется, впервые за долгие годы пытался научиться действовать так, чтобы помощь другим не обязательно означала собственное уничтожение.

— Я поговорю с Неллой, — повторила я.

Он кивнул.

— Спасибо.

Я вышла из комнаты.

И только закрыв дверь, поняла, насколько сильно дрожат мои руки.

Неллу я нашла в перевязочной.

Она осматривала пожилого мужчину с поврежденным плечом. Я подождала, пока она закончит и отправит его за чистой повязкой.

— Что случилось? — спросила она.

Я рассказала о разговоре с Раданом.

Нелла слушала внимательно.

Когда я закончила, она вымыла руки, вытерла их полотенцем и присела на край стола.

— Он правильно поднял этот вопрос, — сказала она.

Я резко посмотрела на нее.

— Ты тоже считаешь, что мы должны заранее согласиться его убить?

— Нет. Я считаю, что мы должны заранее определить, как защитить людей в случае необратимого срыва.

— Для меня это звучит почти одинаково.

— Потому что ты испугалась.

Я отвернулась.

— Конечно, испугалась. Он сидел передо мной и совершенно спокойно говорил, что по моему сигналу его могут убить.

— И тебе не понравилось, что он доверил тебе такую ответственность.

— Мне не понравилось, что он вообще оказался в положении, когда приходится об этом говорить.

Нелла некоторое время молчала.

— Это разные вещи, Марта.

Я понимала.

Но принять было трудно.

— Послушай, — сказала она. — Мы будем лечить Радана до последней возможности. Если возвращение затянется, станем помогать. Если он потеряет сознание, будем наблюдать и лечить. Если возникнет краткая дезориентация, дадим время восстановиться.

— А если...

— А если он перестанет узнавать людей, утратит осмысленный контакт и начнет нападать, мы не сможем позволить ему добраться до гражданских. Это опасность, о которой он имеет право предупредить заранее.

Я посмотрела на свои ладони.

— Я не хочу оказаться человеком, который даст такой сигнал.

— Никто не хочет.

— Тогда почему он выбрал меня?

Нелла мягко вздохнула.

— Потому что ты привыкла отвечать за собственные решения. И потому что он знает: ты будешь искать возможность спасти его, пока она существует.

Я подняла голову.

— А если я ошибусь?

— Именно поэтому рядом буду я. И Гарт. Решение не должно зависеть от одного человека, который в эту минуту может быть напуган.

Я молчала.

— Мы запишем критерии. Подготовим площадку. Назначим людей, которые знают порядок действий. И постараемся вообще не допустить подобной ситуации.

Я медленно кивнула.

— Сначала хочу осмотреть место возвращения.

— Разумно.

— И поговорить с Гартом.

— Я пойду с тобой.

Мы вышли из перевязочной.

В коридоре стояли трое солдат, ожидавших перевязок. Один прижимал к боку пропитанную кровью ткань.

Я немедленно подошла к нему.

— Что случилось?

— Зацепило осколком вчера ночью. Думал, пройдет.

— Конечно. А когда перестанете ходить, тоже решите подождать?

Он виновато улыбнулся.

Я отвела его в соседнюю комнату.

Рана оказалась поверхностной, хотя кровоточила сильнее, чем следовало. Я обработала ее и наложила повязку.

Пока руки выполняли привычную работу, мысли немного прояснились.

Мне не нужно было заранее соглашаться на чью-то смерть.

Мне нужно было определить, при каких обстоятельствах обычное лечение становилось недостаточным для защиты окружающих.

И сделать все возможное, чтобы этих обстоятельств не возникло.

Когда солдат ушел, я почувствовала себя спокойнее.

Не счастливее.

Но способной продолжать разговор.

Гарт встретил нас у южного склона.

Старый тренировочный двор находился в стороне от госпиталя. Раньше здесь проводили занятия с тяжелым вооружением. Теперь большую часть площадки использовали для хранения строительного материала.

К нашему приходу солдаты уже убирали бревна и ящики.

— Здесь? — спросила Нелла.

Гарт кивнул.

— Площадка достаточно широкая. С северной стороны склон, с южной низкая каменная стена. Основной двор гарнизона далеко. Посторонних не будет.

Я огляделась.

Место выглядело подходящим.

В центре оставалось достаточно пространства, чтобы крупный дракон мог приземлиться, не задевая крыльями здания или деревья.

У стены стояли две тяжелые баллисты.

Военные еще проверяли их механизмы.

Я невольно остановилась.

— Это тоже часть подготовки?

Гарт посмотрел в ту сторону.

— Да.

— Они исправны?

— Оба орудия. Мы проверим расчеты до первого вылета.

Я подошла ближе.

Толстые деревянные балки, железные крепления, мощные натяжные механизмы.

Стрелы были тяжелыми, с длинными металлическими наконечниками.

Одна такая могла пробить толстую драконью чешую на небольшом расстоянии.

Если попадет туда, куда нужно.

Я знала это из медицинских записей о старых военных ранениях.

Но до сегодняшнего дня никогда не смотрела на баллисту, представляя перед ней конкретного человека.

— Их будут держать здесь постоянно? — спросила я.

— Пока командир летает, — ответил Гарт. — Когда последняя колонна выйдет, обе баллисты разберут и повезут вместе с нами. На новом месте площадку придется готовить заново.

Это было разумно.

Я знала, что тяжелое оружие не могло перемещаться вслед за обозом каждую минуту. Для безопасного возвращения требовалось заранее выбирать место.

— Сколько человек в расчетах?

— По четыре на орудие. Еще несколько солдат обеспечат охрану площадки.

Нелла осмотрела подходы.

— Нам нужен отдельный проход для целителей. Чтобы люди не оказались перед орудиями, если потребуется защищаться.

Гарт показал узкую дорожку вдоль каменной стены.

— Здесь. Можно установить ограждение и оставить только медицинский проход.

— Хорошо, — сказала я. — И никакой толпы любопытных.

— Разумеется.

Я повернулась к нему.

— Радан рассказал вам о своем состоянии?

Лицо Гарта стало серьезным.

— Рассказал достаточно, чтобы я понимал риск.

— Тогда давайте договоримся прямо. Долгое возвращение, дрожь, остаточная чешуя или краткая потеря памяти сами по себе не означают, что ваш командир окончательно утратил контроль.

— Понимаю.

— Если он остается способен отвечать на речь, узнает людей и не угрожает окружающим, мы продолжаем помогать.

Гарт кивнул.

— А если нет?

Я почувствовала, как внутри снова поднялся холод.

Нелла стояла рядом.

Я знала, что могу попросить ее ответить вместо меня.

Но почему-то не захотела.

— Мы будем оценивать несколько признаков одновременно, — сказала я. — Отсутствие осмысленного контакта, невозможность вернуться и поведение, опасное для людей. Если появляется непосредственная угроза, вы должны действовать.

Гарт выслушал молча.

— Если командир начнет нападать, я не стану ждать, пока кто-то получит ранение, — сказал он.

— И не должны, — ответила Нелла.

Я посмотрела на баллисты.

— Но если он просто не сможет вернуться сразу, вы дадите нам время.

— Сколько?

— Пока есть признаки, что он остается в сознании и способен воспринимать обращенную к нему речь. Мы будем наблюдать за изменениями. Вы знаете, что у него уже было шестиминутное возвращение.

— Знаю.

— Поэтому нельзя назначить произвольный срок и объявить после него, что все потеряно.

— Согласен.

Мы обсудили порядок сигналов.

Красное полотнище означало установленную непосредственную опасность. Его должен был поднять назначенный солдат по команде Гарта после оценки обстановки.

Сами расчеты не имели права открывать огонь из-за крика, неожиданного движения или затянувшегося возвращения.

Если возникнет непосредственное нападение, Гарт будет руководить обороной без промедления.

Я не получала власть единолично решать, кому жить.

Но брала на себя обязанность сообщить правду о состоянии Радана, даже если она окажется страшной.

Когда разговор закончился, я обернулась.

Радан стоял у входа на площадку.

Он подошел, пока мы обсуждали последний пункт.

— Значит, договорились? — спросил он.

Гарт посмотрел на меня.

Я могла сказать, что мне нужно еще время.

Могла попросить Неллу вести все осмотры.

Могла переложить ответственность на другого человека.

Но Радан не скрывал от меня опасность. Не требовал невозможного и не пытался заставить согласиться под угрозой.

Он хотел сохранить людей, которых защищал.

И хотел остаться живым.

Я посмотрела ему в глаза.

— Я обещаю не скрывать признаки окончательной утраты контроля, если они появятся. И сообщить Гарту, если вы начнете представлять непосредственную опасность для людей.

Радан молча слушал.

— Но я также обещаю, что мы не откажемся от вас из-за боли, страха или трудного возвращения, — добавила я. — Пока существует возможность лечения, мы будем лечить.

Его лицо изменилось.

Совсем немного.

Но я заметила, как он медленно выдохнул.

— Спасибо, Марта.

— Не благодарите. Мне совершенно не нравится эта договоренность.

— Мне тоже.

— Тогда давайте постараемся, чтобы она никогда не понадобилась.

— Именно этого я и хочу.

Он протянул руку.

Не в перчатке.

С остатками темной чешуи на запястье.

Я пожала ее.

Ладонь была горячей.

Пальцы — крепкими, несмотря на дрожь.

И почему-то мне стало гораздо тяжелее, чем во время разговора о лечении.

Потому что теперь обещание касалось не безымянного дракона из старой медицинской записи.

Оно касалось мужчины, чью руку я держала в своей.

Мы не успели вернуться в госпиталь.

Со стороны гарнизонных ворот раздался громкий оклик.

— Командир! Срочное донесение!

Гарт сразу повернулся.

К нам бежал молодой солдат.

Он остановился в нескольких шагах и вытянулся.

— Сообщение от северного сторожевого поста. Их дорога перерезана передовым отрядом противника.

Радан убрал руку.

— Сколько людей на посту?

— Двенадцать солдат. С ними гражданские из ближнего селения. Двадцать шесть человек, среди них дети.

— Откуда сведения?

— Один из дозорных сумел пройти через овраг. Прибыл несколько минут назад.

Гарт нахмурился.

— Как давно противник занял дорогу?

— Около двух часов назад. Отряд небольшой, но удерживает развилку. Наши не могут вывести гражданских к основной дороге.

Радан посмотрел на карту, которую принес солдат.

— Где именно?

Тот показал место.

Я стояла рядом и видела, как быстро оба офицера оценивали расстояния.

Пост находился в северной части долины. До Листвена было не так далеко, но дорога проходила через узкую развилку между двумя склонами.

Если противник удерживал ее, повозки с людьми не могли пройти.

— Есть обход? — спросил Гарт.

— Через старую лесную дорогу. Но на ней размытый участок. Тяжелые повозки не пройдут.

Радан повернулся к заместителю.

— Сколько всадников можешь выделить?

— Двадцать без ущерба для подготовки колонн. Если собрать еще людей, задержим охрану первых гражданских групп.

— Двадцати хватит, чтобы прикрыть отход, если противник уйдет с развилки.

— Но пока он ее удерживает, нашим придется атаковать в узком месте.

Я уже понимала, к чему идет разговор.

Радан тоже.

Он посмотрел в сторону северных гор.

— Если дракон появится над развилкой, противник отойдет от открытой дороги. По крайней мере, ему придется укрыться.

Гарт кивнул.

— Тогда мои люди займут развилку и выведут пост с гражданскими.

Я закрыла глаза на мгновение.

Первый вылет.

Еще утром мы не знали, понадобится ли он вообще.

Теперь перед нами находилась конкретная задача.

Двадцать шесть гражданских.

Двенадцать солдат.

И одна дорога, которую требовалось освободить.

— Марта, — позвал Радан.

Я открыла глаза.

— Нам нужен осмотр, — сказал он.

Я кивнула.

— Немедленно.

Мы вернулись в госпиталь.

Нелла проверила состояние Радана вместе со мной.

Температура оставалась повышенной, но не росла. Он отвечал без задержки, точно называл события вчерашнего дня, уверенно выполнял простые движения.

Дрожь в кисти не усилилась.

Чешуя на запястье сохранялась, но новых участков не появилось.

Никаких признаков внезапного ухудшения за последние часы мы не обнаружили.

Это не означало, что полет безопасен.

Я объяснила это прямо.

— Ваше состояние позволяет обсуждать короткое обращение, — сказала я. — Но каждое использование силы увеличит повреждение. После возвращения вы можете почувствовать себя значительно хуже.

Радан сидел перед нами, не перебивая.

— Задача ограниченная, — сказал он. — Мне не нужно вступать в продолжительный бой. Достаточно заставить противника отойти от развилки, чтобы Гарт вывел людей.

— Без применения огня? — спросила Нелла.

— Постараюсь обойтись без него. Если получится удержать противника угрозой атаки, этого хватит.

— А если нет? — спросила я.

— Тогда придется оценивать обстановку. Но преследовать отступающих я не стану.

Он говорил разумно.

И именно это мешало мне просто отказать.

— Сколько времени потребуется? — спросила я.

— На весь вылет рассчитываю меньше получаса.

Я посмотрела на Неллу.

Та задумчиво изучала записи.

— Можно рассмотреть такой вылет как исключительную меру, — сказала она. — При условии, что после возвращения мы сразу оценим повреждение. Следующее обращение не может считаться заранее разрешенным.

Радан кивнул.

— Согласен.

Я снова посмотрела на него.

— Если во время полета почувствуете, что теряете контроль...

— Я прекращу задачу и вернусь.

— Даже если ваши солдаты еще будут сражаться.

Он выдержал мой взгляд.

— Даже тогда.

Я хотела спросить, сможет ли он действительно сделать это.

Но увидела, что он и сам прекрасно понимает цену своего обещания.

Нелла закрыла журнал.

— Приступаем к подготовке. Гарт должен сообщить, когда его люди окажутся на позиции.

Радан поднялся.

Я тоже встала.

Он остановился передо мной.

— Вы сердитесь?

Вопрос застал меня врасплох.

— На что?

— На то, что я снова собираюсь обращаться.

Я помолчала.

— Я боюсь последствий.

— Я тоже.

— Вы не выглядите испуганным.

— Мне приходится работать над этим.

Он произнес это с такой серьезностью, что я невольно улыбнулась.

— Хорошо получается.

— Спасибо.

Радан сделал шаг к двери.

Потом обернулся.

— Марта?

— Да?

— Я вернусь на площадку, как мы договорились.

Я кивнула.

— Я буду там.

Он посмотрел на меня еще мгновение.

И ушел.

Подготовка заняла почти час.

Гарт собрал отряд и отправил его к северной дороге. Солдаты должны были подойти к развилке по укрытому пути и дождаться воздушного прикрытия.

Двоим всадникам поручили поддерживать связь между основной группой и гарнизоном.

На тренировочном дворе расчеты закончили проверку баллист. Один механизм сначала заедал, но оружейник исправил крепление и повторно проверил его ход без выстрела.

Работники очистили место посадки от ящиков и тяжелых досок.

Нелла принесла лечебные средства.

Я проверила запас воды, чистые повязки и подготовленную комнату, куда Радана можно было перенести после возвращения.

Когда все было готово, я вышла на площадку.

Небо немного прояснилось.

Ветер гнал над склонами светлые облака.

Радан стоял у дальней стены.

Без куртки.

На нем остались простые темные брюки и мягкие сапоги. Рядом находился солдат, которому он передал снятые вещи.

Я невольно замедлила шаг.

Не потому, что никогда прежде не видела мужчину без рубашки.

За годы работы мне доводилось осматривать сотни пациентов.

Но Радан был сложен так, что на него трудно было не смотреть.

Широкие плечи, сильные руки, плотные мышцы груди и живота. На левом боку тянулся старый светлый шрам.

Я знала, что драконья сила не заменяла обычной физической подготовки.

Но теперь видела, насколько серьезно этот мужчина относился к собственному телу.

Он заметил меня.

— Все готово?

Я заставила себя смотреть ему в лицо.

— Да. А у вас?

— Тоже.

Я подошла ближе.

— Напомните условия возвращения.

Радан едва заметно улыбнулся.

— На южную площадку. Не приближаться к госпиталю и гражданским, пока вы не закончите осмотр. Если появятся признаки ухудшения, сообщить сразу.

— И во время полета?

— Не задерживаться без необходимости. Не использовать огонь, если можно обойтись. Не преследовать противника.

Я кивнула.

— Хорошо.

Он посмотрел на меня.

— Вы действительно собираетесь проверять, помню ли я все условия, каждый раз?

— Да.

— Тогда придется привыкать.

— Советую начать прямо сейчас.

Он улыбнулся.

На этот раз открыто.

И у меня неожиданно защемило в груди.

Я не имела права обещать ему, что все закончится благополучно.

Но очень хотела.

Радан отошел к центру площадки.

Гарт поднял руку.

— Всем отойти к стенам!

Солдаты заняли заранее обозначенные места.

Я встала рядом с Неллой.

Радан посмотрел на небо.

Потом глубоко вдохнул.

Первое изменение произошло почти незаметно.

По его плечам прошла волна напряжения. Мышцы на спине выступили резче, кожа потемнела. От шеи к груди начали расходиться широкие пластины чешуи.

Он опустился на одно колено.

Я невольно сжала пальцы.

Это было нормальное начало обращения.

Я знала.

Но раньше наблюдала превращения только у здоровых драконов.

Теперь я видела, какой ценой Радан удерживал контроль.

Его тело изменялось медленно.

Спина выгнулась. Руки стали длиннее, пальцы вытянулись и покрылись темными когтями. За плечами поднялись сложенные крылья.

С каждой секундой он становился больше.

Через некоторое время на площадке уже стоял огромный дракон с темной чешуей.

Мощные задние лапы упирались в землю. Длинный хвост медленно двигался за спиной. Крылья раскрылись, отбрасывая тень на каменную стену.

Он повернул голову.

Золотистые глаза остановились на мне.
Я замерла.
Разум говорил, что передо мной тот же мужчина.
Тот, с кем я разговаривала вчера вечером.
Тот, кто спрашивал о моей будущей лечебнице.
Но тело отказывалось сразу принимать это сходство.
Дракон был огромным.
Сильным.
Опасным.
И невероятно красивым.
Радан опустил голову.
Я поняла, что он смотрит на меня.
Потом дракон расправил крылья.
Ветер ударил мне в лицо.
Несколько солдат пригнулись.
Еще мгновение — и тяжелое тело оторвалось от земли.
Радан поднялся над стенами.
Сделал широкий круг, набирая высоту.
Затем повернул к северу.
Я смотрела ему вслед, пока темный силуэт не исчез за горным склоном.
— Теперь ждем, — тихо сказала Нелла.
Я кивнула.
И поняла, что не представляю, как буду ждать.

Первые несколько минут я пыталась заниматься полезными делами.
Проверила чистоту инструментов.
Убедилась, что у дежурного целителя есть необходимый запас средств.
Заглянула в журнал.
Потом закрыла его.
Ни одна запись не могла изменить происходящее за северными горами.
На площадке стояла почти полная тишина.
Солдаты переговаривались вполголоса. Оружейник осматривал крепление одной из баллист. Нелла несколько раз проверила содержимое лечебной сумки.
Я подошла к стене.
Северные склоны выглядели спокойно.
Отсюда было невозможно разглядеть ни развилку, ни сторожевой пост.
Я ничего не знала о том, что происходило там сейчас.
И это было хуже всего.
Я привыкла видеть пациента перед собой.
Слышать дыхание.
Замечать изменения цвета кожи.
Понимать, становится ли ему лучше или хуже.
А сейчас человек, за которого мы отвечали, находился где-то в небе.
Возможно, уже над противником.
Возможно, тратил последние силы.
И я ничем не могла ему помочь.
— Марта.
Я обернулась.
Нелла стояла рядом.

— Не стой на самом ветру. Замерзнешь.

— Мне не холодно.

— Знаю. Но от этого теплее не станет.

Она подвинула ко мне скамью.

Мы сели.

Некоторое время молчали.

Потом я спросила:

— Ты думаешь, он вернется?

Нелла посмотрела на меня.

— Думаю, мы сделали все, что могли, чтобы повысить его шансы.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Я опустила глаза.

И вдруг поняла, насколько похожи были ее слова на те, которые я сама произнесла Радану вчера.

Нельзя обещать невозможное.

Даже когда человеку очень хочется это услышать.

Время тянулось медленно.

Когда над северным склоном наконец появился темный силуэт, я сначала решила, что мне показалось.

Потом дракон приблизился.

— Возвращается! — крикнул один из солдат.

Я вскочила.

Радан летел ниже, чем при взлете.

Крылья двигались тяжело, с заметными паузами между взмахами.

Но он держал направление.

Повернул к южной площадке.

Снизился.

И приземлился почти в центре подготовленного двора.

Земля дрогнула под его весом.

Я сделала шаг вперед.

Нелла удержала меня за локоть.

— Подожди.

Я остановилась.

Радан стоял на задних лапах, опираясь на передние конечности.

Крылья были полусложены.

Дыхание тяжелое.

Он поднял голову.

Посмотрел в нашу сторону.

Гарт, остававшийся у площадки с частью охраны, подал условный голосовой сигнал.

— Командир! Вы слышите меня?

Дракон повернул голову.

Это было хорошо.

Он реагировал.

— Если понимаете приказ, опустите голову!

Радан выполнил команду.

Я почувствовала, как немного расслабились плечи.

Но возвращение не начиналось.

Прошла минута.

Потом еще одна.

Дракон стоял на площадке и тяжело дышал.

Я смотрела на его крылья.

На темную чешую.

На огромные когти, впившиеся в землю.

И знала, что внутри этого тела сейчас находится человек, который очень хочет вернуться.

Третья минута.

Четвертая.

Гарт повторил команду.

Радан снова осмысленно ответил движением головы.

— Он понимает речь, — сказала я.

— Да, — согласилась Нелла.

— Значит, продолжаем наблюдение.

Никто не возразил.

Но я видела, как напряжены солдаты у баллист.

На шестой минуте Радан опустился ниже.

Крылья дрогнули.

По телу прошла заметная волна сокращения.

— Началось, — прошептала я.

Чешуя на груди стала уменьшаться.

Но затем процесс остановился.

Дракон резко вдохнул.

Я невольно шагнула к нему.

Нелла снова удержала меня.

— Марта.

— Я вижу.

— Тогда оставайся здесь.

Я стиснула зубы.

Седьмая минута.

Радан оставался драконом.

Гарт внимательно следил за его движениями.

Я знала, что на площадке находится человек с заранее оговоренным правом защитить солдат, если произойдет самое страшное.

И одновременно знала, что сейчас для этого нет оснований.

Радан слышал нас.

Понимал команды.

Не проявлял агрессии.

Он пытался вернуться.

На восьмой минуте крылья начали складываться и уменьшаться.

Дракон опустился на землю.

Огромное тело постепенно меняло форму.

Сначала уменьшились лапы.

Потом исчез длинный хвост.

Чешуя отступала, открывая человеческую кожу.

Еще через несколько мгновений на площадке лежал мужчина.

Радан Корс.

Он опирался на локти, тяжело дышал и пытался подняться.

Я бросилась к нему.

— Не двигайтесь!

Он поднял голову.
На лице выступил пот.
— Марта...
Я опустилась рядом.
— Я здесь.
Он попытался улыбнуться.
Не получилось.
Я положила ладонь на его плечо.
Кожа была горячей.
Слишком горячей.
— Нелла, воду. И приготовь средство от перегрева.
Она уже доставала необходимые вещи.
Я помогла Радану перевернуться на спину.
Он зажмурился.
— Больно? — спросила я.
— Все тело.
— Где сильнее?
— Спина. Руки.
Я быстро осмотрела его.
Чешуя на правой руке занимала значительно больше места, чем прежде.
Теперь она доходила почти до середины предплечья.
У меня внутри все сжалось.
— Дышите медленно, — сказала я. — Не пытайтесь вставать.
Он открыл глаза.
— Сколько?
Я сразу поняла.
— Возвращение заняло около восьми минут.
Радан закрыл глаза.
Ничего не сказал.
Но я почувствовала, как напряглось его плечо под моей ладонью.
— Вы слышали команды Гарта? — спросила я.
— Да.
— Все время?
— Да.
— Понимали, что происходит?
— Понимал.
Он сглотнул.
— Просто не мог начать возвращение. Словно тело перестало слушаться.
Я кивнула.
— Мы видели. Вы сохраняли контакт. Это важно.
Радан открыл глаза.
— Люди?
Я посмотрела на него.
— Что?
— С поста. Их вывели?
Я не знала.
Мы еще не получили донесения.
— Гарт сейчас выяснит.
Радан попытался приподняться.

— Мне нужно...

— Вам нужно лежать.

— Марта...

— Вы уже выполнили свою задачу. Теперь позвольте остальным закончить свою.

Он посмотрел на меня.

Впервые за все время нашего знакомства я увидела, как ему трудно принять эти слова.

Не потому, что он не понимал их смысла.

Потому что привык вставать и продолжать.

Даже когда сил уже не оставалось.

— Хорошо, — выдохнул он.

Я попросила солдат подать носилки.

Нелла продолжала наблюдение.

Когда Радана осторожно перенесли в подготовленную комнату, я осталась рядом.

Он дрожал.

Температура постепенно снижалась, но слабость сохранялась.

Мы проверили память.

Он помнил, зачем летел, куда направился и что должен был сделать.

Рассказал, что обнаружил противника у развилки. По его словам, отряд попытался занять укрытия, когда увидел дракона. Он сделал несколько низких проходов над дорогой, не позволяя неприятельским всадникам вернуться на открытое место.

Огонь использовать не пришлось.

Затем он увидел условный сигнал от людей Гарта.

Развилка была занята нашими солдатами.

И он повернул домой.

— Вы не пытались преследовать противника? — уточнила я.

— Нет.

— И не задержались после сигнала?

— Нет.

Я сделала запись.

— Хорошо.

Радан посмотрел на меня.

— Вы говорите так, будто я сдал экзамен.

— Почти.

— И какую оценку получил?

Я посмотрела на его руку.

— За выполнение договоренности — хорошую. За состояние после возвращения — неудовлетворительную.

Он тихо усмехнулся.

Потом поморщился от боли.

— Не смешите меня сейчас.

— Это вы начали.

Я поправила одеяло.

Его кожа все еще оставалась горячей.

Но взгляд был ясным.

Он узнавал меня.

Помнил происходящее.

И это сейчас значило больше всего.

Вечером пришли сведения с северного поста.

Всех двадцать шесть гражданских удалось вывести.

Двенадцать солдат тоже покинули заставу. Двое получили ранения во время отхода, но оба были живы.

Гарт организовал прикрытие на дороге и проводил группу до ближайшего охраняемого участка.

Когда мне сообщили об этом, я впервые за весь день почувствовала настоящее облегчение.

Не полное.

Потому что Радан все еще лежал в палате.

Но хотя бы одна опасность осталась позади.

Я вошла к нему после вечернего осмотра.

Он лежал с закрытыми глазами.

Услышав шаги, повернул голову.

— Марта?

— Да.

— Что с постом?

Я подошла ближе.

— Всех вывели.

Радан открыл глаза.

— Всех?

— Двадцать шесть гражданских. Двенадцать солдат. Двое ранены, но живы.

Он некоторое время смотрел на меня.

Потом медленно выдохнул.

— Хорошо.

Я села рядом.

— Гарт передал, что ваши люди заняли развилку почти без потерь. Противник отступил в лес и не успел вернуться до окончания отхода.

Радан кивнул.

— Значит, все получилось.

— Да.

Он посмотрел на правую руку.

Чешуя доходила до середины предплечья.

Сейчас он уже мог двигать пальцами, но некоторые движения по-прежнему причиняли боль.

— А со мной? — спросил он.

Я не стала отводить взгляд.

— Повреждение усилилось. Возвращение заняло больше времени, чем в прошлый раз. Появился новый участок остаточной чешуи. Сегодня вам необходим отдых.

— Завтра?

— Завтра повторим осмотр. И решим, что позволяет ваше состояние. Но нового вылета на завтра никто не планирует.

Он кивнул.

— Хорошо.

Я открыла журнал.

— Нужно еще проверить несколько вещей.

— Проверяйте.

Он выполнил все просьбы.

Назвал дату.

Повторил последние события.

Сжал и разжал пальцы.

Ответил на вопросы о боли и самочувствии.

Когда я закончила, Радан некоторое время молчал.

Потом спросил:

— Вы сегодня боялись?

Я подняла глаза.

Вопрос оказался слишком личным.

Я могла ответить привычным медицинским выражением.

Сказать, что беспокоилась о состоянии пациента.

Или что была сосредоточена на наблюдении.

Но Радан не спрашивал о моей работе.

— Да, — призналась я.

Он кивнул.

— Я тоже.

— Во время полета?

— После. Когда пытался вернуться.

Я положила журнал на стол.

Он смотрел на собственную руку.

— Я слышал Гарта. Понимал каждое слово. Видел площадку, людей, баллисты. Но ничего не происходило.

Я молчала.

— И в какой-то момент подумал, что так и останусь драконом.

Он поднял на меня глаза.

— Не потому, что перестану понимать, кто я. Просто не сумею вернуться.

Мне стало больно за него.

И я не знала, что сказать.

Радан продолжил:

— Тогда вспомнил наш разговор. Вы обещали не считать одно только затянувшееся возвращение окончательным срывом.

— Да.

— Я видел, что вы ждете.

Он помолчал.

— Это помогло мне не паниковать.

Я посмотрела на него.

— Вы справились сами, Радан.

— Возможно. Но было легче знать, что вы не торопитесь от меня отказаться.

Эти слова надолго остались между нами.

Я не пыталась сделать их менее важными.

Просто сидела рядом.

Потом тихо сказала:

— Я не собираюсь отказываться от вас, пока есть возможность помочь.

Радан смотрел на меня так внимательно, что мне стало трудно выдерживать его взгляд.

— Знаю, — ответил он.

Я поднялась.

— Вам пора спать.

— А вам?

— Мне тоже не помешало бы.

— Тогда почему вы еще здесь?

Я посмотрела на него.

Он слегка улыбнулся.

— Кажется, вы тоже не особенно хорошо умеете оставлять работу другим.

Я хотела возразить.

Но вспомнила, сколько раз за день Нелла просила меня хотя бы ненадолго отдохнуть.

— Возможно, — признала я.

— Значит, нам обоим есть чему учиться.

Я поправила край одеяла.

— Начнем с вас. Завтра никаких военных совещаний до моего разрешения.

— Даже коротких?

— Особенно коротких. Вы называете короткими разговоры, после которых приходится отправлять гонцов в разные концы долины.

Он тихо рассмеялся.

— Постараюсь.

Я направилась к двери.

— Марта.

Я остановилась.

— Да?

— Спасибо, что не позволили им стрелять, пока я возвращался.

Я повернулась.

— Для этого не было оснований.

— Знаю.

Он немного помолчал.

— Но все равно спасибо.

Я смотрела на него.

На усталое лицо.

На темную чешую, оставшуюся там, где вчера еще была обычная человеческая кожа.

И вдруг совершенно ясно поняла, почему наше обещание стало для меня таким тяжелым.

Я уже не могла думать об этом человеке только как о командире, которого давно знала по служебным встречам.

Теперь я знала, как он улыбается.

Как пытается шутить, когда ему страшно.

Как первым делом спрашивает о спасенных людях, даже когда сам едва способен подняться.

И как сильно хочет вернуться человеком.

— Спокойной ночи, Радан, — сказала я.

— Спокойной ночи, Марта.

Я вышла.

На площадке за госпиталем уже стемнело.

Фонари освещали каменную стену и пустое место, где днем приземлился дракон.

Солдаты разбирали временные ограждения.

Я остановилась у входа.

Слева под навесом стояли две баллисты.

Их тяжелые стрелы лежали в деревянных ящиках рядом.

Раньше я видела подобное оружие десятки раз. Оно входило в обычное вооружение крепостей, защищавших границы королевства.

Но сегодня впервые представила, как расчет разворачивает баллисту в сторону знакомого мне человека.

Как натягивается механизм.

Как Гарт отдает приказ.

И как одна моя фраза может стать частью решения, после которого Радан больше никогда не вернется.

Я медленно подошла к ближайшему орудию.

Провела пальцами по холодной деревянной балке.

Солдаты не обращали на меня внимания.

Они закончили работу, проверили крепления и ушли в казарму.

На площадке стало тихо.

Я смотрела на пустой двор.

Еще несколько часов назад здесь стоял огромный темный дракон.

А потом лежал мужчина, который едва сумел вернуться в человеческое тело.

Сегодня нам повезло.

Но завтра все могло оказаться иначе.

Я убрала руку с баллисты.

И вдруг поняла, что боюсь не только того, что мне однажды придется подать сигнал.

Я боялась, что мы не успеем спасти Радана до того, как подобное решение вообще станет необходимым.

Я посмотрела в сторону госпиталя.

За окном его палаты горел свет.

Там находился мужчина, который доверил мне одну из самых страшных вещей в своей жизни.

Возможность сказать правду, после которой его могут убить.

Я не знала, сумею ли когда-нибудь принять эту ответственность спокойно.

Наверное, нет.

Но точно знала другое.

Пока Радан оставался человеком, пока мог слышать нас, думать, выбирать и бороться за собственную жизнь, я сделаю все, что зависело от меня, чтобы он вернулся.

Не драконом.

Не героем, чье имя потом высекут на каменной плите.

Просто живым мужчиной.

Тем самым, который вчера сидел напротив меня и спрашивал, что от него останется после лечения.

Я развернулась и пошла к госпиталю.

Завтра нам предстояло готовить последнюю колонну к долгой дороге.

И теперь я понимала, что мы должны успеть гораздо больше, чем просто вывезти раненых из долины.

Глава 3. Те, кто пойдет последними

Наутро после первого вылета Радана в нашем госпитале закончились свободные кровати.

Не потому, что раненых стало больше. Наоборот, часть пациентов мы уже отправили с первыми обозами. Просто теперь кровати приходилось разбирать, матрасы переносить во двор, а людей размещать там, откуда их можно было быстро погрузить на повозки.

Я стояла посреди главной палаты с двумя списками в руках и пыталась решить, как перевезти сорок два человека, которые не могли самостоятельно сидеть.

— Марта, третью повозку обещали отдать кухне, — сообщила Сана.

Я подняла голову.

— Кто обещал?

— Интендант. Говорит, у него приказ перевозить муку.

— А у меня приказ вывезти раненых. Иначе зачем нам мука, если половина госпиталя останется здесь?

Сана вздохнула.

— Я ему почти то же самое сказала.

— И что он ответил?

— Что у него приказ.

Я посмотрела на список.

Двадцать семь повозок имелось в нашем распоряжении. Восемь продолжали использовать для военных грузов. Еще несколько принадлежали торговцам, которые уже собирались покинуть долину.

Для тяжелых пациентов требовались широкие настилы с креплениями. Двух лежачих можно было разместить на одной достаточно большой повозке, но только при условии, что их удастся уложить так, чтобы они не ударялись друг о друга на каждой выбоине.

Получалось, что почти весь имеющийся транспорт уйдет только на раненых.

А ведь нам еще предстояло вывезти лекарства, перевязочные материалы, продукты, личные вещи пациентов и самих работников госпиталя.

— Где интендант? — спросила я.

— На складе.

— Хорошо. Сейчас пойдем к нему вместе.

Сана посмотрела на меня с явным облегчением.

— Я знала, что вы разберетесь.

— Не радуйся заранее. Скорее всего, нам придется долго ругаться.

— Тогда я понесу списки.

Мы вышли в коридор.

Всюду слышались голоса.

У лестницы двое санитаров переносили разобранную кровать. В соседней палате пожилая женщина требовала вернуть ей одеяло, которое по ошибке положили в чужой узел. Возле главного входа стояли солдаты, пришедшие за разрешением сопровождать раненых товарищей.

За окном гремели колеса.

Первый большой гражданский обоз готовился покинуть Листвен.

Люди прощались прямо на улице. Кто-то обнимал родственников, кто-то передавал последние вещи, кто-то спорил, что обязательно нужно вернуться домой за оставленным сундуком.

Я старалась не смотреть слишком долго.

Нам еще предстояло вывести своих пациентов.

И пока я не видела, как это сделать без дополнительных повозок.

Мы уже почти дошли до склада, когда навстречу вышел Гарт Тесс.

— Госпожа Вейр.

— Доброе утро.

— Командир просил передать, что через полчаса будет в госпитальном дворе. Мы начинаем распределять дополнительный транспорт.

Я остановилась.

— Какой дополнительный транспорт?

— Военные повозки. Часть груза решили оставить в крепостных складах.

— Все восемь?

— Пока шесть. Еще две потребуются для необходимого снаряжения.

Я почувствовала, как напряжение в плечах немного ослабло.

— Это очень поможет.

— Командир сказал, что вам должно хватить места для лежачих пациентов.

— Места для них хватит, если плотники успеют подготовить настилы. Но нам еще нужны лекарства, вода, продовольствие и люди, которые будут помогать при перевозке.

Гарт кивнул.

— Мы уже выделили рабочих. После обеда они придут к вам.

— А солдаты?

— Девяносто человек пойдут с последней колонной. Охрану будем распределять по участкам дороги.

Я посмотрела на него внимательнее.

— Значит, командир действительно передал вам организацию эвакуации?

Гарт неожиданно улыбнулся.

— Не совсем. Пока он научился отдавать мне распоряжения, а не выполнять все самостоятельно.

— Уже неплохо.

— Для него это большое достижение.

Мы оба улыбнулись.

Сана, стоявшая рядом, явно не знала, позволено ли ей присоединиться к разговору.

Гарт заметил ее смущение.

— А вы, госпожа, чем занимаетесь?

— Списками пациентов.

— Тогда вы сейчас важнее половины моего штаба. От ваших записей зависит, кого и куда мы посадим.

Сана покраснела.

— Я стараюсь.

— Продолжайте. Нам нужны люди, которые знают свое дело.

Он попрощался и пошел дальше.

Я посмотрела на помощницу.

— Ну что, теперь веришь, что можешь справляться с поручениями без меня?

— Со списками — да.

— Начнем с них.

К полудню стало ясно, что повозки — только половина наших проблем.

В третьей палате лежал старый каменщик по имени Матвей. Десять дней назад он сорвался со строительных лесов и сломал ногу. Перелом был тяжелым, но восстановление шло нормально.

До этого утра.

Я нашла его сидящим на краю кровати.

Одна нога свисала вниз, другая, закрепленная повязками, лежала на матрасе.

— Матвей, что вы делаете?

Он вздрогнул.

— Собираюсь домой.

— Куда?

— Домой, госпожа целительница. Жена сейчас вещи укладывает. Я ей сказал, что сам дойду.

Я подошла ближе.

— На сломанной ноге?

— Да там всего-то три улицы.

— А потом?

Он замолчал.

— Потом мы уедем, — сказал наконец.

— На чем?

— Жена договорилась с соседом.

Я посмотрела на его ногу.

Повязки оставались на месте, но от попыток двигаться появился отек.

— Матвей, ложитесь.

— Да не могу я здесь оставаться!

Он повысил голос и тут же смутился.

— Простите. Просто жена одна. Ей страшно. Наш дом стоит у северной дороги.

Я присела рядом.

— Послушайте меня. Если вы сейчас попытаетесь идти самостоятельно, можете снова повредить ногу. Тогда в дороге вам станет хуже, а нам придется заниматься осложнениями вместо обычного восстановления.

— А как же жена?

— Где она сейчас?

— Во дворе. С соседом разговаривает.

— Сана, пожалуйста, найди ее.

Помощница вышла.

Матвей опустил голову.

— Не хочу быть обузой.

Я услышала эту фразу уже не впервые.

За последние два дня почти каждый второй пациент считал, что его болезнь мешает общему спасению.

— Вы не обуза, — сказала я. — Вы человек со сломанной ногой. Это разные вещи.

— Но все остальные идут сами.

— Не все. У нас сорок два пациента, которым нужна перевозка лежа. И никто не собирается оставлять их здесь.

Он посмотрел на меня.

— Правда?

— Правда.

— Даже если враг подойдет?

Я не стала обещать, что опасности нет.

— Мы готовим транспорт и охрану. Ваша задача сейчас — не ухудшать собственное состояние.

Матвей некоторое время молчал.

Потом осторожно лег.

— Хорошо.

Я поправила подушку и проверила повязки.

Когда пришла его жена, маленькая седая женщина с красными от слез глазами, я объяснила ей порядок перевозки.

Они отправятся вместе.

Матвей — на оборудованной повозке.

Жена — рядом с обозом. На трудных участках сможет идти пешком, на остановках оставаться с ним.

Женщина так крепко сжала мои руки, что мне стало неловко.

— Спасибо вам.

— Пока не за что. Нам еще предстоит дорога.

— Все равно спасибо.

Я вышла из палаты и остановилась у окна.

На улице несколько мужчин грузили мешки.

Среди них был Радан.

Точнее, я сначала решила, что он тоже занимается погрузкой.

Но, присмотревшись, увидела, что командир стоит у повозки с раскрытым списком, а тяжести переносят солдаты.

Он указывал, какие ящики следует оставить, а какие отправить с первым обозом.

На правой руке виднелась темная чешуя.

Я почувствовала раздражение.

Ему полагалось отдыхать.

Вчера он едва сумел вернуться из драконьего облика, а сегодня уже стоял посреди двора и отдавал распоряжения.

Впрочем, распоряжения не требовали превращения.

И именно об этом мы договорились.

Я решила сначала закончить осмотр пациентов, а потом поговорить с ним.

Радан пришел сам.

Это произошло, когда я проверяла крепления на первой оборудованной повозке.

Плотники уложили широкий деревянный настил, закрепили его по бокам и покрыли несколькими слоями плотной ткани. Сверху положили матрасы.

Я попыталась сдвинуть один из них.

Он оказался слишком тонким.

— Здесь будет неудобно, — сказала я плотнику.

Мужчина развел руками.

— Другого нет.

— Тогда положите второй слой ткани. И закрепите его, чтобы не сползал.

— Понадобятся дополнительные ремни.

— Возьмите на складе.

— Там уже все разобрали.

Я стиснула зубы.

У каждого решения обнаруживалась новая проблема.

— Хорошо. Сейчас выясню.

— Что случилось? — раздался за спиной знакомый голос.

Я обернулась.

Радан стоял рядом с повозкой.

Сегодня на нем была темная рубашка с закатанными рукавами. Лицо выглядело усталым, но он держался уверенно.

— Не хватает ремней для крепления матрасов, — ответила я.

Он посмотрел на повозку.

— Сколько?

Плотник назвал количество.

Радан повернулся к солдату, который сопровождал его.

— На южном складе есть запасные ремни от грузовых упряжей. Проверь. Если подходят по длине и прочности, передай плотникам.

— Слушаюсь.

Солдат ушел.

Я посмотрела на Радана.

— Вы собираетесь решать каждую нашу проблему лично?

— Только те, о которых мне сообщают.

— Значит, мне следует перестать сообщать?

Он усмехнулся.

— Предпочел бы, чтобы вы продолжали.

Я сложила руки на груди.

— Как самочувствие?

— Лучше, чем вчера.

— Это не ответ.

— Температура снизилась. Головокружения нет. Рука болит меньше.

— А дрожь?

Он протянул ладонь.

Я взяла его руку.

Пальцы действительно дрожали слабее.

Но чешуя на предплечье оставалась.

Я осторожно осмотрела ее.

— Кожа горячая.

— Немного.

— После вчерашнего вылета прошло меньше суток. Вам нужен отдых.

— Я не поднимаю тяжести.

— Я вижу.

— И не превращаюсь.

Я подняла голову.

— Надеюсь, вы не ждете похвалы за соблюдение собственного обещания?

Радан посмотрел на меня с совершенно серьезным выражением лица.

— А стоило бы?

Я не удержалась от улыбки.

— Пока нет.

— Жаль.

Он чуть наклонился ко мне.

— А если я сегодня действительно уйду отдыхать вовремя?

— Тогда, возможно, скажу, что вы ведете себя разумно.

— Щедрая награда.

Я отпустила его руку.

— Командир, мне правда нужно, чтобы вы берегли себя. Мы еще даже не начали лечение.

Улыбка исчезла с его лица.

— Знаю.

Он посмотрел на повозки.

— Именно поэтому пытаюсь сделать так, чтобы без моего участия обходились как можно чаще.

Я проследила за его взглядом.

Солдаты переносили ящики. Плотники работали у второй повозки. Гарт разговаривал с возницами.

Все происходило без драконьего огня, крыльев и огромной силы.

Просто люди делали свою работу.

— У вас получается, — сказала я.

Радан повернулся ко мне.

— Пока не всегда.

— Но сегодня вы не таскаете мешки самостоятельно.

— Вы считаете это достижением?

— Для человека, который привык отвечать за все лично, да.

Он несколько секунд смотрел на меня.

Потом улыбнулся.

— Приму к сведению.

И пошел к Гарту.

Я проводила его взглядом.

Мне нравилось, что он слушал.

Не всегда соглашался.

Иногда спорил.

Но действительно слушал.

Это было гораздо важнее, чем красивые слова о доверии.

Вечером третьего дня мы закончили первые списки.

Из примерно шестисот жителей долины большую часть должны были отправить раньше госпитальной колонны. Люди, способные идти самостоятельно, получали место в первых группах.

Стариков и маленьких детей сажали на повозки. Остальные шли рядом.

Было решено двигаться несколькими группами, чтобы на дороге не образовалась одна огромная колонна.

Солдаты проверяли склады продовольствия и места водопоя. По возможности оставляли там припасы для тех, кто пойдет последним.

Наша колонна должна была выйти на пятый день.

У нас оставалось чуть больше суток на подготовку.

Нелла пришла ко мне с новым списком.

— Сорок два лежачих пациента. Еще тридцать один человек сможет идти только с частыми остановками. Остальные передвигаются самостоятельно.

Я пробежала глазами записи.

— И сколько всего?

— Около ста восьмидесяти человек вместе с сопровождающими и теми гражданскими, кто останется при госпитале.

— Слишком много.

— Но меньше, чем вчера.

Она положила список на стол.

— Марта, мы справимся. Если перестанем пытаться сделать все собственными руками.

Я устало потерла виски.

— Ты сегодня уже третий раз это говоришь.

— И, судя по всему, не последний.

Я вздохнула.

— Хорошо. Что предлагаешь?

— Передать Сане обычные перевязки. Она справляется. Ты проверишь записи и сложные случаи.

— А если она что-нибудь упустит?

— Тогда мы заметим при проверке.

— Мне не хочется рисковать пациентами.

— А мне не хочется, чтобы ты свалилась от усталости еще до выхода из Листвена.

Я посмотрела на наставницу.

Она была права.

Но признать это оказалось неприятно.

— Хорошо, — сказала я. — Завтра Сана самостоятельно ведет обычные перевязки под нашим наблюдением.

— И еще кое-что.

— Что?

— Ты закончишь сегодня работу до ужина.

Я посмотрела на нее с сомнением.

— Нелла...

— Не обсуждается.

— У меня еще...

— У тебя всегда есть еще что-нибудь.

Она взяла со стола часть записей.

— Я закончу. Иди проверь пациентов, а потом поешь.

Я хотела возразить.

Но вдруг поняла, что действительно устала.

За последние двое суток я почти не сидела спокойно. Постоянно куда-то шла, что-то считала, кому-то объясняла.

Даже сейчас мысли путались.

— Ладно, — сказала я.

Нелла удовлетворенно кивнула.

— Вот и хорошо.

Я вышла из кабинета.

И впервые за долгое время позволила себе не возвращаться через пять минут.

Утро четвертого дня началось с известия о новой группе беженцев.

Шестнадцать человек из небольшого поселения у северной дороги добрались до Листвена ночью. С ними были двое детей и пожилая женщина, которая почти не могла ходить.

Их приняли в старом складе, временно переоборудованном под жилое помещение.

Я отправилась туда вместе с Саной.

Люди сидели на мешках с соломой, укрывшись одеялами. У стены стоял котел с горячей водой. Несколько женщин раздавали хлеб.

Пожилая женщина оказалась почти здоровой. Просто совершенно выбилась из сил после долгой дороги.

Я осмотрела ее, проверила дыхание, расспросила о боли.

— Ничего не болит, — ответила она. — Только ноги. Будто чужие.

— Вы давно шли?

— Со вчерашнего утра. Ночевали в лесу. Мужики сказали, что здесь безопаснее.

Она посмотрела на меня.

— Мы успеем уйти?

Я не стала говорить, что все будет хорошо.

— Вы пойдете с госпитальной колонной. Мы подготовили транспорт для тех, кому трудно передвигаться. Вам дадут место на повозке.

Женщина заплакала.

Тихо.

Без истерики.

Просто слезы потекли по щекам.

Я протянула ей чистый платок.

— Что случилось?

— Дом оставили, — прошептала она. — Всю жизнь там прожила. Муж строил. Он уже умер, а дом остался. Теперь и его не будет.

Я села рядом.

Не знала, что сказать.

Дом действительно мог сгореть.

Враг мог захватить поселение.

И никто не мог обещать, что женщина когда-нибудь вернется.

— Мне очень жаль, — произнесла я.

Она покачала головой.

— Ничего. Главное, внучку вывели.

Рядом сидела девочка лет восьми, прижимая к груди тряпичную куклу.

Я улыбнулась ей.

Девочка посмотрела на меня внимательно.

— А мы потом домой вернемся?

Я почувствовала, как сжалось сердце.

— Пока нужно добраться до Белого Двора, — ответила я. — Там вы будете в безопасности. А дальше взрослые решат, что делать.

Она кивнула.

Не потому, что ответ ее полностью устроил.

Просто поняла, что другого у меня нет.

Когда мы вышли из склада, Сана долго молчала.

Потом спросила:

— Вы ведь тоже не знаете, вернемся ли мы?

Я посмотрела на нее.

— Не знаю.

— А если госпиталь сгорит?

— Тогда построим другой.

— Так просто?

— Нет. Совсем не просто.

Я остановилась.

— Сана, мне тоже страшно оставлять это место. Я провела здесь шесть лет. Но сейчас главное — вывести людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.